РУСКІЕ
ВЪ СВОИХЪ
ПОСЛОВИЦАХЪ.

Разсужденія и изслѣдованія о Руских пословицахъ и поговоркахъ.

И. Снегирева.

КНИЖКА II.

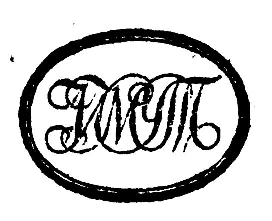
Старинная пословица не мимо молвится.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, 1831 года Іюля 12 дня.

Заслуженый Профессоръ, Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.

О ПОСЛОВИЦАХЪ РУСКИХЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Антропологическія.

А. Касающіяся до естественныхъ причинъ различія народовъ.

Народность при единствѣ человѣчества имѣетъ свои отличительныя черты, столь глубоко проведенныя природой и духомъ народнымъ въ нравахъ, обычаяхъ, повѣрьяхъ и языкѣ, что хотя многое въ теченіи времени и измѣняется, но всегда нѣчто остается неизмѣннымъ. Не останавливаясь на общемъ сходствѣ и сродствѣ народовъ, обратимся къ различіямъ въ Рускомъ народѣ, который въ своихъ поговоркахъ и пословицахъ высказываетъ самъ себя живѣе и сильнѣе, нежели всѣ описанія постороннихъ наблюдателей; ибо въ

нихъ онъ говоритъ о своемъ климатѣ, о любимой и сродной ему пищѣ, о естественныхъ и нравственныхъ наклонностяхъ, происходящихъ отъ его тѣлосложенія и воспитанія — говоритъ о нравахъ и нравственности своей. Но какъ всѣ сіи обстоятельства вмѣстѣ съ другими составляютъ внѣшнія и внутреннія причины различія народовъ, болѣе или менѣе отъ человѣка зависящія: то мы и постараемся разсмотрѣть сіи причины особенно и въ связи съ другими, подтверждая ихъ самыми словами и дѣйствіями Рускаго народа.

О климатѣ Россіи тоже можно сказать, что нѣкогда Римляне говорили о древней Германіи, гдѣ въ лѣсахъ тогда живали сѣверные олени, гдѣ почти такой же былъ холодъ, какъ въ Сибири: „въ ней „тому только хорошо, кто тамъ родил„ся.“ Нынѣшняя Россія имѣетъ въ себѣ почти всѣ климаты подъ разными своими полосами, на коихъ равнины смѣняются горами, суша водою, жаръ холодомъ, сухость

сыростію, такъ что когда въ одномъ мѣстѣ сѣютъ, тогда въ другомъ хлѣбъ поспѣваетъ, когда на Сѣверѣ Россіи снѣгъ еще лежитъ на землѣ, на Югѣ луга зеленѣютъ. Климатъ же древней Россіи, еще не столь пространной, въ Сѣверной ея полосѣ былъ замѣчательнѣе своимъ холодомъ, который крѣпитъ и молодитъ Рускаго человѣка, или какъ говоритъ одинъ стихъ, сдѣлавшійся пословицей: *Въ зимній холодъ всякой молодъ*. Такъ какъ *Морозъ не великъ, а стоять не велитъ*: то *что мужику дѣется, бѣжитъ да грѣется*. По замѣчанію простаго народа, обратившемуся въ присловіе: съ *Петра Аѳонскаго* (12 Іюня) *солнце поворачиваетъ на зиму, а лѣто на жары*, а съ *Спиридона солноворота* (12 Дек.) *солнце поворачиваетъ на лѣто, а зима на морозъ*. Кому не извѣстны *морозы Рожественскіе, Крещенскіе* (Водокрещи), *Аѳанасьевскіе, Срѣтенскіе, Власьевскіе? Умножилъ Богъ лѣто мухами*, по пословицѣ, *а зиму морозами*. Въ Россіи *Зимѣ и лѣту союзу нѣту*: по сему крестьянинъ почти *не снимаетъ кожуха* (шубы) *до Св. Духа* т. е.

до Духова дня. По причинѣ частой смѣны снѣга грязью, говорятъ: *Осень на пѣгой кобылкѣ ѣздитъ*. По благорастворенію воздуха, весна слыветъ у насъ *красною*, а лѣто *страдою* и *страдною порою* по тяжкимъ работамъ полевымъ; *Лѣто собироха, а зима прибироха*, т. е. что лѣтомъ воздѣлывается, собирается, то зимою обработывается и потребляется. Зимній путь въ старину назывался *груднымъ*, по коему отвозятъ хлѣбъ и издѣлія на продажу въ города. Зимнею порою крестьянинъ платитъ за цѣлый годъ барскіе оброки и государственныя подати, припасаетъ для себя и для своего сѣмейства платье и обувь, для домашняго быту всякую посуду, а для полевыхъ работъ сбрую. Климатъ много дѣйствуетъ на свойства народа, но вѣра, правленіе и воспитаніе еще болѣе. см. 3 часть сей книги.

Благодѣтельная природа надѣлила каждый климатъ свойственными ему произведеніями, кои соотвѣтствуютъ тѣлосложенію жителей. Пища у Рускихъ прос-

тая, грубая и сытная, сродная их холодному климату и крѣпкому желудку; она болѣе растительная, мучнистая, чѣмъ животная, какъ у Агличанъ, живущихъ подъ влажными туманами. Коренное, главное яствіе, которое служитъ у насъ знаменіемъ гостепріимства, есть *хлѣбъ и соль* — по старой пословицѣ: *Хлѣбъ, да вода крестьянская ѣда* (а) — *Съ чегожь человѣкъ сытъ и крѣпокъ, какъ не съ хлѣба* — говоритъ простой народъ, который старается по сему давать младенцамъ хлѣбъ какъ можно ранѣе, не боясь золотухи; вырабатывая себѣ и позывъ на пищу и сонъ, онъ вѣритъ, что *Хлѣбъ спитъ* и что надобно *работать до поту и ѣсть до сыта*. Рускіе едва ли не болѣе всѣхъ Европейскихъ народовъ любятъ соль, которая

(а) Хлѣбъ называется также *житомъ*, по Греч. Σῖτος, сходное съ Рускимъ сытый и Латин. satur. Плиній ст. свидѣтельствуетъ, H. N. XXXI. 7, Veteres *salem cum pane* esitasse proverbio adparet. Катонъ de lib. ed. Cum cibos et potionem *buas* et *papas* vocent; matrem *mamam*, patrem *papam*.

почитается за одно изъ средствъ разводящихъ и возбуждающихъ аппетитъ. Они круто на́круто солятъ толстые ломти ржанаго хлѣба, коимъ однимъ часто и питаются въ дорогѣ и на работѣ, или дѣлаютъ изъ него тюрю съ лукомъ, квасомъ или водою и конопляннымъ масломъ (b). Всякой бѣлый хлѣбъ въ народѣ слыветъ *калачемъ* и есть для него лакомство, а не пища сытная; ибо, по старой поговоркѣ: *Съ калача сытъ не будешь — Калачъ скоро пріѣстся, а хлѣбъ никогда.* Главная и привычная ѣда въ домашнемъ быту суровыя щи (шти), изъ рубленой, кислой, сѣрой капусты, по большей части, пустыя, затертыя мукою, въ мясоѣдъ забѣленныя молокомъ или смеша-

(b) Что ѣли монахи Симонова монастыря и вѣрно тоже простой народъ въ XV вѣкѣ, изображаетъ намъ ученикъ Максима Грека Зиновій такъ: „Брашно хлѣбъ овсянъ невѣянъ, или класы „ржаные толчены и таковые хлѣбы сухи „безъ соли; питіе же вода и вареніе имѣю„щихъ капустное листвіе; преимѣющіи же въ „нихъ, аще зеліе, имѣютъ свеклу и рѣпу; „овощи же имъ рябина и калина."

ною, а въ постъ, съ конопляньимъ масломъ или сокомъ; *щи*, по пословицѣ, *капустою пригожи, а солью укусны*. Въ большіе только праздники, когда *обрекаются* убивать скотинку, какъ *моленой, пьтой кусъ*, щи варятся съ мясомъ, (съ убоинкою), которое *поминаютъ на великъ день*, т. е. на Пасху, Успенье и Рождество. Щи, какъ любимое кушанье, служитъ иногда признакомъ хозяйства и правомъ собственности, въ коей предоставляется хозяину воля, напр: *Хоть щей горшокъ, да самъ большой*, или *Для щей люди женятся*. Другое кушанье — *каша*, какъ называютъ ее простолюдины, *мать наша*. У нихъ *щи и каша* составляютъ весь сытной обѣдъ, который въ праздникъ *красенъ пирогами*, какъ *рѣка берегами*. Свойства Рускаго стола изображаются слѣдующею поговоркой: *Горе-ленько, пекленько, солоненько, укусненько, холодненько, кисленько*. Къ воздержанію, а вмѣстѣ съ нимъ и къ предохраненію себя отъ болѣзней приучаютъ Рускаго четыре въ году поста, предписывающихъ наблю-

дашь время, количество и качество пищи, середа и пятница, а у набожнѣйшихъ и понедѣльникъ; посему и говорится пословицей: *Полдуба сухаго, полдуба сыраго, да макушка золотая*, т. е. половина года постъ, половина года мясоѣдъ, да сверху Св. Недѣля. По изконной привычкѣ Славяно-Руссовъ къ рѣкамъ и озерамъ, близъ коихъ селились, они любили рыбу, какою хвалится Россія. Въ Великій Постъ главное кушанье составляютъ грыбы, столь тяжелое для слабаго желудка, что иностранцы почитаютъ оное ядовитымъ; но у Рускаго въ постъ: *Семеры яства, а всё грибы*. Пощеніемъ соотечественники наши превосходятъ чужеземцевъ, почитая посты необходимыми для спасенія души и для сохраненія здоровья. Гнушаясь обычаями Татаръ, они говаривали пословицей: *Татарскому мясоѣду нѣтъ конца*; о Римско-Католицкомъ же постѣ: *Литовскій мостъ, что Нѣмецкій постъ*, т. е. коротокъ. Иностранные путешественники въ нашемъ отечествѣ XVII вѣка удивлялись воздержанію Рускихъ воиновъ, которые въ продолжительныхъ и

тягостныхъ походахъ питались однимъ толокномъ, разводя его на водѣ; потому что *толокно*, по старой пословицѣ, *скорое кушанье: замѣси, да и въ ротъ понеси.* Въ нѣкоторыхъ Губерніяхъ, особливо Вологодской, Костромской и другихъ, толокно составляетъ любимое у простолюдиновъ кушанье, по коему и прозываются они *толоконниками*, такъ какъ гуща у Новгородцевъ, слывущихъ *гущеѣдами.* Изъ овсяной муки варится кисель, который вмѣстѣ съ брагою составляетъ для крестьянина домашнее благо: *То и благо, что кисель, да брага.* По его словамъ, *Киселемъ брюха не испортишь, Кисель зубамъ не порча.* Брага, или пиво, а гдѣ есть пчельники, тамъ и медъ варится къ празднику, къ свадьбѣ, роди-намъ и похоронамъ. Въ Костромской Губерніи къ Святой Недѣлѣ варятъ такъ называемое *Кузмодемьяновское*, или *моленое пиво* братчиной и сошедшись въ одну избу, сливаютъ его въ лагунъ (боченокъ), потомъ при зажженныхъ предъ образами свѣчахъ помолясь, выпиваютъ за лю-

бовь, по пословицѣ: *Пиво не диво и медъ не хвала, а всему голова, что любовь дорогá*. Лучшая жь пора варки пива почитается Мартъ, такъ какъ у Нѣмцевъ Май, и лучшее въ году *Мартовское пиво*, которое, столь крѣпко, что, по присловію, *съ ногъ сбило*. Хлѣбъ, обращенный въ горячее вино, горѣлку, сивуху, при изнуреніи подкрѣпляетъ тѣло Рускаго, среди холода, вѣтра и дождя грѣетъ его кровь; въ кручинѣ веселитъ его сердце; такъ что онъ пьетъ и въ радости и въ печали. *Мужикъ годъ не пьетъ, два не пьетъ, а какъ бѣсъ прорветъ, такъ и все пропьетъ* — такъ говорятъ о запоѣ, болѣе свойственномъ тѣмъ народамъ, кои пьютъ хлѣбное вино. Климатъ, пища, тѣлосложеніе и привычка сдѣлали пьяные напитки для Рускаго столь необходимыми, что еще В. К. Владиміръ сказалъ Булгарамъ: „*Руси есть веселіе пити, не можетъ безъ того быти*. Хотя однѣ пословицы отчасти и оправдываютъ пьянство, говоря: *Пьянъ, да уменъ, два угодья въ немъ*, или *По мнѣ хоть пей*,

да дѣло разумный; однако другія учатъ, что *Пить до дна, не видать добра*, что *Пить добро, а не пить и лучше того*, что *Пьяное дѣло шатовато, а похмѣльное тошновато*, что *Кто рюмки допиваетъ, тотъ вѣка не доживаетъ*. Но пьянство и не однимъ Рускимъ свойственно, какъ видно изъ слѣдующаго описанія К. Курбскаго Польши: „Властели земли тоя драгоцѣнными колачи гортань и чрево нашыкающе, и яко бы во „утлыя дельвы дражайшія различныя вины безмѣрно ліюще и прегордѣ другъ друга пьяніи восхваляюще. Егда же возлягутъ „на одрѣхъ своихъ между толстыми перинами, тогда ко полудню проспавшись, со „связаными головами едва живи съ похмѣлья.“

Квасъ служитъ и питьемъ и приправою другимъ снѣдямъ — съ капустою, лукомъ, огурцами, свекольникомъ, или съ рыбою. *И худой квасъ лучше хорошей воды*, говоритъ народъ пословицей.

Умѣренная и сытная пища, предлагаемая Рускому человѣку матерью землею,

не отягчая тѣла излишними соками, даетъ ему силы переносить тягости трудовъ на полѣ жатвы и битвы, зной, холодъ и голодъ. Въ походахъ и въ посты онъ можетъ по нѣскольку дней оставаться безъ пищи. Хотя онъ и вѣритъ, что *паръ костей не ломитъ;* однакожь, не боясь простуды, съ теплой печи босой выходитъ на морозъ, или изъ бани нагой бросается прямо въ снѣгъ, по лодышки ходитъ въ водѣ, иногда спитъ на сырой землѣ, испытываетъ пору сѣянія, ложась всѣмъ тѣломъ въ вырытую яму и если земля тепла, начинаетъ благословясь посѣвъ. Еслибъ пьянство иногда и другіе смежные съ нимъ пороки не измождали его силъ болѣе, чѣмъ самыя работы, какія едва ли могутъ вынести другіе Европейцы: то каждый бы Рускій по природѣ своей былъ богатырь и земля была ему прямою матерью и кормилицей.

Какая простота въ пищѣ Рускаго, такая жь и въ его жилищѣ: бревенчатая, или брусяная изба, по большей части, черная,

курная съ клетью, т. е. холоднымъ покоемъ; съ тремя окнами, изъ коихъ два *волоковыя*, одно середнее слыветъ *краснымъ* и *косящетымъ*. Сытость, уютность и сѣмейной покой предпочитаются красивости и простору жилища: *Не красна изба углами, да красна пирогами*, *Лучше жить въ тѣснотѣ, чѣмъ въ обидѣ* — и живутъ Руские крестьяне, какъ за полвѣка живали и горожане, всей сѣмьей въ одной избѣ, въ коей на зиму помѣщался и скотъ. За неимѣніемъ особой бани служитъ *лазнею* (банею) печь, которая часто спасала отъ холеры и которая также по благотворному дѣйствію своему слыветъ *матерью*, полати замѣняютъ антресоли и постели. Въ такомъ быту все соединялось предъ глазами хозяина, которому, по старой пословицѣ, и *стѣны въ домѣ помогаютъ*.

По свидѣтельству иностранныхъ историковъ, Славяне искони живши среди народовъ воинственныхъ и торговыхъ, подобно древнимъ Грекамъ и Римлянамъ, преимущественно занимались скотоводствомъ и земле-

дѣліемъ — главными источниками народнаго продовольствія. *Кто станетъ пахать, тотъ будетъ богатъ. Не будетъ пахатника, не будетъ и бархатника.* Богатство и сила Россіи въ землѣ, которая даетъ своему земляку хлѣбъ для питанія себя, желѣзо и мѣдь для защищенія и употребленія, лѣсъ для согрѣванія и строенія, кормитъ и скотъ его, или какъ онъ называетъ *животъ*, *животинку*, которыя составляютъ его имущество, такъ какъ у древнихъ Римлянъ и другихъ первобытныхъ племенъ. *Хлѣбъ да животъ и безъ денегъ живётъ.*

Могучество, храбрость и стойкость Рускаго познается не только въ битвахъ и въ работахъ, но и въ любимой его забавѣ—кулачныхъ бояхъ, борьбахъ, играхъ, игрушкахъ, игрищахъ, въ коихъ обнаруживается воинственный духъ Рускаго народа. Древнія его *игры*, по звуку и предмету сходны съ Греческими *ὕγρα* священными плясками, кои совершались въ Церериныхъ таинствахъ. *Игрушками* также назывались родъ ры-

царскихъ потѣхъ или каруселей, въ какихъ нерѣдко участвовали и самые Князья наши. Въ Троицк. Лѣтоп. подъ 1390 г. замѣчено, что „тое зимы, по Рождествѣ „Христовѣ, на третій день Осей кормиличичь Князя Великаго поколотъ былъ „на Коломнѣ въ игрушкѣ.“ Но пословица гласитъ, что *тѣмъ не играютъ, отъ чего умираютъ*. Петръ I пишетъ 1708 года предъ Полтавскою битвою: „Вѣдаю, „что сія игрушка меня не минетъ.“—Кому не извѣстна старинная похвальба кулачныхъ боевъ: *Наша взяла и рыло въ крови*, такъ какъ и старый уставъ оныхъ, вошедшій въ пословицу и въ Указъ Петра II: *Лежачаго не бьютъ*. Обычай *силки отвѣдать, силкою помѣряться* велся не только между чернью, но и между знатными людьми. Въ Костромской Губерніи бойцы раздѣлялись на двѣ стороны: *Дебрянъ*, которые жили въ части города расположенной по нижнему берегу Волги, и *Сулянъ* на Сулѣ, небольшомъ ручьѣ, нынѣ заваленномъ и застроенномъ. Бои бывали на Молотной горѣ, къ Волгѣ, на томъ мѣстѣ,

гдѣ нынѣ перевозъ, и начинались, подобно какъ въ Калугѣ и Тулѣ, ребятами, потомъ женатыми, наконецъ дѣлались общими — шли *стѣна на стѣну*. Въ войну Россіи съ двадцатью однимъ народомъ часто дубины и цѣпы брали верхъ надъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, оправдывая старинную поговорку: *У кого пистоли, а у насъ дубинки Христовы.*

В. *Касающіяся до нравственныхъ причинъ.*

Когда еще не вводимо было въ Россію разныхъ системъ воспитанія, дѣти получали оное въ сѣмейномъ кругѣ, служившемъ для нихъ училищемъ: правила и обычаи предковъ и руководство родителей были основою воспитанія, болѣе физическаго и нравственнаго, чѣмъ умственнаго, коего строгость нерѣдко простиралась до суровости, какъ можно судить по старой пословицѣ: *Кому Богъ дастъ сыновей, не лѣнясь, учи ихъ и бей.* Воспитаніе дѣтей для отца и матери было обязанностію: *Умѣй дитя родить, умѣй и научить.* Средствами онаго были не одна жестокость, но и ласка и стыдъ: *Хорошо честь и гроза,* или *Дѣтей наказывай стыдомъ, а не грозою и бичемъ.* При воспитаніи, согласномъ съ климатомъ, обычаями отеческими и вѣрою, строгость родителей приучала юношей къ повиновенію и терпѣливости, простота къ умѣренности въ жизни, а здравый смыслъ

къ полезному употребленію силъ душевныхъ и тѣлесныхъ; но воспитаніе, противное симъ основаніямъ, во многомъ измѣняетъ народъ, прививая къ нему легкомысліе въ подражаніи чуждому, непрочность въ познаніи, такъ что говоря Рускою пословицей, онъ *отъ одного берега отстанетъ, а къ другому не пристанетъ.* Дѣти живши *умомъ и благословеніемъ родителей* своихъ, удалялись отъ дурныхъ примѣровъ; ибо *дѣтямъ не порча игрушка, а порча худая прислужка;* ибо *Каковы гдѣ дядьки, таковы и дитятки.*

Простота въ жизни, умѣренность въ желаніяхъ, воздержаніе въ страстяхъ и преданность судьбѣ своей надѣляли Рускаго тѣмъ спокойствіемъ и стойкостію духа, коимъ позавидовали бы и Стоики; такъ что онъ не унываетъ въ напасти, говоря: *Подумаешь, горе; а раздумаешь, будь воля Божья!*— или *Голенькой охъ, а за голенькимъ Богъ.* О счастіи думаетъ, что оно свыше дается: *Щастливому талан отъ Бога данъ;* что оно должно быть другимъ не вредно: *Щастливымъ быть никому не досадить;*

что оно должно управляться умомъ; ибо *Щастье безъ ума ничто* и что оно *многихъ обманываетъ* — и потому: *Щастью не вѣрь, и отъ бѣднаго не затворяй дверь.*

По тѣсной связи чувства слуха съ душею, душа и сердце Рускаго живо и сильно выражаются въ его пѣсняхъ. У Рускаго *Пѣсня быль, а сказка складка.* Онъ поетъ и въ печали, и въ радости: въ одной — пѣсни его заунывны и умилительны, а въ другой веселы, шутливы, игривы. По его поговоркѣ, жить весело значитъ *жить припѣваючи.* „У насъ — говоритъ Батюшковъ, въ пѣсняхъ дышетъ нѣжность, краснорѣчіе сердца; въ нихъ видна сія задумчивость, тихая и глубокая, которая даетъ неизъяснимую прелесть и самымъ грубымъ произведеніямъ Сѣверной музы.“ Всѣ важнѣйшія обстоятельства жизни выражаются пѣснями, кои суть святошныя, свадебныя, хороводныя, и т. д. Онѣ могутъ почесться словесными лѣтописями, отголоскомъ древнихъ преданій; подобно пословицамъ, изображаютъ духъ Рускаго

народа. Посему не удивительно, что у Китайцевъ книга *Куефонгъ*, или нравы Государства, содержитъ въ себѣ *пѣсни народныя*. Императоры Китайскіе при обозрѣніи Государства собирали оныя, дабы удобнѣе судить о народныхъ нравахъ и обычаяхъ, о добродѣтеляхъ и порокахъ каждой страны (с). Также Карлъ Великій, для просвѣщенія своихъ народовъ, повелѣлъ собрать всѣ народныя пѣсни историческаго содержанія. Если, по опредѣленію старинной пословицы, *пѣсня быль*: то и у насъ въ пѣсняхъ воспѣвались былины стараго времени, какъ пѣснь о полку Игоревѣ, недошедшія до насъ были Баяна, Митуси. О послѣднемъ въ Волынской лѣтописи читаемъ слѣдующее: „Андрей же не „удоси его, но удоси Владыку и слуги „его гордые разграби, и тулы ихъ бобро„вые раздра и прилбицѣ ихъ волчья и бар„суковые раздрана быша (яко) словутъного

(с) Академическія извѣстія на 1779 г. ч. 2. С. II. 8.

„пѣвца Митусу древле" (d). Византійскіе писатели свидѣтельствуютъ намъ о ночномъ нападеніи Грековъ въ 592 г. на Славянъ, усыпившихъ себя пѣснями. О прославленіи побѣды пѣснею свидѣтельствуетъ Волын. Лѣтоп. что: „Данилъ же пріи„де къ Визнѣ и прейде рѣку Наровъ, и „многія Хрістіаны избависта, и *пѣснь славну* пояху има." Послѣ побѣды надъ Владиміромъ Рюриковичемъ въ XIII в. Ляхи торжествовали оную пѣснями отцевъ своихъ. Стоглавъ и посланія Святителей Россійскихъ упоминаютъ о языческихъ пѣсняхъ, пѣтыхъ и въ Хрістіанствѣ и названныхъ *бѣсовскими*, *сатанинскими*, *скверными*. „Многодѣльное первое Хрістіанство „наше — замѣчаетъ ученый Тредьяковскій, „хотя искоренило всѣ многобожныя служе„нія и пѣсненныя прославленія богамъ и бо„гинямъ; однако съ пренебреженія, или за

(d) *Карамз.* И. Г. Р. IV. пр. 20. Встрѣчается въ Прологѣ и другихъ рукописяхъ глаг. *митушати*, прилаживать, приплясывать. Такъ напр: Пролога, 16 Нояб. „Трясутъ руками и „*митушаютъ* ногами."

„упраздненіями, не коснулось къ простона-
„роднымъ обыкновеніямъ: оставило ему за-
„баву общихъ увеселительныхъ пѣсенъ, а
„съ ними способъ изложенія стиховъ. Сіе
„точно и есть первородное и природное на-
„ше стіхосложеніе, пребывающее и доднесь
„въ простонародныхъ, молодецкихъ и дру-
„гихъ содержаній пѣсняхъ живо и цѣло."
Соглашая голосъ и тѣлодвиженія съ са-
мыми предметами и словами, Руской на-
родъ сопровождаетъ пѣніе звуками сви-
рѣли, рожка, балалайки, плясками и хоро-
водами (колами).

Самый языкъ Славяно-Рускій своею звуч-
ностію и плавностью, столь способенъ къ
пѣнію и столь сроденъ съ мусикіею, что до-
рожитъ складомъ въ рѣчи: *Складъ дороже
пѣсни — Изъ пѣсни слова не выкинешь.*
Съ внѣшнимъ благозвучіемъ въ складѣ его
соединяется внутренняя его сила, гиб-
кость, нѣжность, краткость при самомъ
обиліи; ибо въ Россійскомъ словѣ заклю-
чается сокровищница чувствій и мыслей,
ближайшихъ къ истинѣ и природѣ и обо-
гащеныхъ сближеніемъ съ языками Востока,

Запада и Юга. Славяне именуя себя по *слову языкомъ*, тѣмъ самымъ признавали языкъ отличительнымъ признакомъ бытія своего и вмѣстѣ правителемъ чувственности; Руской говоритъ пословицей: *Языкъ тѣлу якорь*, или *Языкъ малъ, да всѣмъ тѣломъ владѣетъ*. Какія же понятія усвоивались слову, видимъ изъ слѣдующихъ поговорокъ, въ коихъ гласны и свойства народныя и кои составляютъ условный образъ выраженій цѣлаго племени: *Слово твердо, слово крѣпко, доброе слово, красное слово. Лишнее слово досаду приноситъ*, и *до стыда доводитъ*. Сила слова выражается такъ: *Слово не стрѣла, а пуще стрѣлы*, или *Слово во время и кстати сильнѣе письма и печати*; искренность говоритъ: *Что на умѣ, то и на языкѣ*. Но *ошибка въ словѣ не споръ*, или *не всяко лыко въ строку*, а правда не многорѣчива, любя краткость и силу: *на правду мало словъ*.

Высшія и низшія способности такъ размѣщаются старою пословицей: *Па-*

мять въ тѣлѣ, мысль во лбу, а хотѣніе въ сердцѣ. Душа, по мнѣнію народа, виситъ на девяти крючкахъ (нервахъ?), съ коихъ при смерти человѣка она снимается постепенно. Дальновидность духа выражается въ слѣдующихъ словахъ: *Око видитъ далеко, а мысль еще дальше.* Душею называется и совѣсть: *Обидить легко, да душѣ каково?* Сила мыслящая *умъ*, а познающая и смѣкающая *разумъ*; одна безъ содѣйствія другой не достигаетъ своей цѣли, и когда умъ не соображается и не повѣряется опытомъ: тогда онъ впадаетъ въ заблужденіе и выходитъ, что *умъ безъ разума бѣда.* Дѣло ума есть *дума; помыслъ* или мысль, перешедшая въ волю, которая если соединена съ нерѣшимостью и заботою, слыветъ *раздумьемъ. Дума наша за горами, а смерть наша за плечами. Дума* бываетъ *крѣпкая, раздумьице великое.* Но *догадка лучше разума.* Союзъ же духовный и нравственный между людьми ясно изображается такъ: *Душа душу знаетъ и Сердце сердцу вѣсть подаетъ.*

Что Руской и послѣ ошибки можетъ спохватиться и образумиться, о томъ говоритъ его же пословица: *Руской заднимъ умомъ крѣпокъ;* о смышленности же его и ращетливости: *На мужикѣ кафтанъ* (зипунъ) *хоть сѣръ, а умъ не кто съѣлъ.* Хотя предки наши и признавали свободу ума, говоря: *Сила уму могила* и *Умъ любитъ просторъ;* но требовали также основательности и зрѣлости его; ибо *недозрѣлой умокъ, что весенній ледокъ, Умъ хорошо, а два лучше—Умомъ торговать, а безъ ума горевать* и *На умъ находитъ всякій стихъ.* Они издавна не чуждались свѣта наукъ, какъ доказываютъ письменные памятники и старыя пословицы: *Ученье свѣтъ, а неученье тьма — Ученье атаманъ, а неученье комаръ — Учись доброму, такъ худое на умъ не пойдетъ.*

а) Пословицы, относящіяся къ язычеству, вѣрѣ и суевѣрію.

Одно изъ главнѣйшихъ и прочныхъ основаній нравственности въ жизни сѣмейственной и гражданской, одна изъ важнѣйшихъ причинъ различія народовъ есть вѣра, коей знаніе у предковъ нашихъ составляло всю ученость. Древніе Славяне почитались набожнѣйшимъ народомъ въ Язычествѣ и благочестивѣйшимъ въ Христіанствѣ; хотя ихъ понятія о предметахъ Христіанства и соединены были съ остатками Язычества, старобытными повѣрьями и суевѣріями.

Но прежде нежели разсмотримъ вліяніе Христіанской вѣры на Славяно-Русскихъ, сколько можно видѣть изъ пословицъ ихъ, коснемся слабыхъ отголосковъ языческой епохи, кои повторялись и среди ихъ Православія. Въ нравахъ и обычаяхъ, повѣрьяхъ, праздникахъ народныхъ и хороводахъ замѣчательно заимственное и случайное сходство, по отношенію къ разнымъ епохамъ, то съ древними Еллинскими и Римскими, то съ Азіятскими, то съ Готескими и Скандинавскими.

Время такъ измѣнило пѣсни, изустныя преданія и пословицы Язычества Славяно-Руссовъ, что трудно съ достовѣрностію означить, какія изъ оныхъ языческія; тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ понятій языческихъ смѣшались съ Христіанскими по привычкѣ народа къ стародавнимъ повѣрьямъ. Предметъ прежняго благоговѣнія сдѣлался темнымъ воспоминаніемъ въ пословицѣ, поговоркѣ, присказкѣ и брани; для язычника священный обрядъ обратился въ игру и потѣху, терпимую и въ Христіанствѣ, какъ привычная забава народная; обрядный хоръ, или таинственное заклинаніе превратились въ народную пѣсню, или притчу, примѣненную къ другому предмету, въ коемъ коренный смыслъ измѣнился на посторонній, совершенно ему чуждый. Но первое, какъ сильнѣйшее, впечатлѣніе, остается и въ простывающихъ слѣдахъ. Такъ простолюдины у насъ именуя св. иконы *богами*, а моленныя *божницами*, вѣрятъ, будто у всякаго есть свой святой (богъ), особенно ему покровительствующій; отъ чего и ведется между народомъ поговорка:

Что тому Богу молиться, которой не милуетъ! Деньги не боги, да много милуютъ. Самое присловіе *дай Богъ* сходно съ именемъ одного изъ семи Кіевскихъ боговъ, *Даждь-богомъ.* Уваженіе къ огню и водѣ, величаемымъ въ народныхъ поговоркахъ *Царемъ* и *Царицею,* такъ какъ рѣки *матушкою,* или *батюшкою,* не есть ли остатокъ Славянской епохи благоговѣнія къ стихіямъ?

Древняя вѣра Востока въ судьбу (судьбину) или рокъ (стоическій и астрологическій, Латин. fatum, *μõιρα,* (міръ?)) замѣтна и въ Славяно-Рускомъ народѣ и нерѣдко смѣшивается съ предопредѣленіемъ, *судомъ Божіимъ,* предполагая въ мірѣ необходимость случающихся событій: *Чему быть, тому не миновать,* или *Таланъ не туманъ, не мимо идетъ* (е). Простолюдины вѣрятъ, что если кто уми-

---

(е) *Таланъ* въ смыслѣ бѣда, напасть, злосчастіе сходно съ Греч. *τάλαν*. Но *τάλαντον* — вѣсы, дары судьбы, а по изобразительному языку Еллады, судьба. У Гомера (Il. VIII, 69.) Зевсъ взвѣшиваетъ судьбу смертныхъ на злашыхъ вѣсахъ.

раетъ насильственною смертію, *тому на роду такъ написано* — *Рокъ головы ищетъ* — *У притчи на конѣ не уйти.* „Безъ року смертнаго" — сказалъ Вассіанъ Царю Іоанну Васил. — „нѣтъ ни человѣка, „ни птицы, ни звѣря." По изрѣченію пѣвца Игорева похода: „Ни хытру, ни горазду суда „Божія не минути." О брачномъ союзѣ, который подобно смерти, слыветъ судьбою, говорятъ, что *Суженаго и на конѣ не объѣдешь*, что *Судьба придетъ, руки назадъ привяжетъ*, что *Кому на комъ жениться, тотъ въ (для) того и родится.* Изъ сего источника произошли гаданья и жеребьи: *Кому вынется, тому и сбудется, не минуется.* Отъ смѣшенія языческихъ повѣрьевъ съ Хрістіанскими понятіями родились противорѣчущія первымъ пословицы и поговорки, а отъ послѣднихъ вѣра; что *все въ мірѣ творится не нашимъ умомъ, а Божіимъ судомъ.* Мысль о рокѣ языческомъ замѣнилась чистѣйшимъ понятіемъ о предопредѣленіи или волѣ Божіей.

Слово *ладъ*, *ладо*, *лада*, встрѣчающееся въ поговоркахъ, означаетъ строй-

ность, согласіе въ звукахъ мусикійскихъ, въ отношеніи къ людямъ союзъ, совѣтъ, любовь и дружбу, а у Англо-Саксовъ сіе общее съ Славянами слово lada, употребляется въ смыслѣ закона и суда Божія (f). Ладо причисляемая къ божествамъ, какъ покровительница брачныхъ союзовъ, вспоминается въ пословицѣ: *Не надобно и кладъ, коли у мужа съ женою ладъ.* Если читать у Нестора о бракахъ Древлянскихъ: *оумыкаху оу воды* (вмѣсто оуводы) *дѣвица*: то понятна будетъ старая поговорка: *Лады у воды*. Въ Подольской Губерніи около Межибожья поселяне на играхъ въ день Пасхи воспѣваютъ *Царевну Ладу*, а подъ Берестьемъ Литовскимъ *Королевну Ладу*. Бранная жь поговорка: *ну те къ ляду*, не вспоминаетъ ли Чешскаго Ладона (Ladoň), Польскаго Ljada и приписываемаго Рускимъ Леда, бога войны, коему приносились въ жертву люди (g)? —

(f) Manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis. VI t. — Краткое обозрѣніе Миѳологіи Славянъ Росс. *П. Строева*. М. 1815.

(g) Mythologie der alten Teutschen u. Slaven, von A. Tkány. Znaim. 1827. 2 T. —

Проповѣдники Христіанской вѣры на Сѣверѣ Славяно-Германскомъ видя, что въ Туровъ, или громовъ день (Thurstag, четвертокъ) молитвы язычниковъ къ Тору, или Перуну, о дождѣ остаются тщетными, стали говорить въ притчу обо всемъ несбыточномъ: *Послѣ дожжичка въ четверегъ* (h).

Къ понятіямъ языческимъ принадлежатъ древніе боги, лѣшіе, полевые, водяные, домовые, кои въ пословицахъ и поговоркахъ, по большей части, называются чертями и бѣсами. О водвореніи духовъ въ домахъ и урочищахъ свидѣтельствуютъ простонародныя поговорки: *Вселился чортъ въ боярской домъ—Упрямъ какъ Карамышевскій чортъ—У чорта на Куличкахъ— Пишетъ какъ чортъ шестомъ по Неглинной* — (о дурномъ пѣніи) *Какъ лѣшій Перовскій зоветъ Куликовскаго въ гости къ родительской — Толкитесь бѣсы, да не въ нашемъ лѣсѣ — Вѣръ бородѣ, а порука въ водѣ.* Упоминаемаго въ поговоркахъ *домоваго*, или *постѣна*

(h) Вѣстн. Евр. 1813. № 9 и 10. ст. Сахарева.

(тоже у Финновъ pajnajainen, гнетущій) простой народъ почитаетъ предвѣстникомъ счастія или несчастія, прибыли или убыли: тогда какъ онъ, по большей части, зависитъ отъ игры воображенія, душевныхъ страстей, поврежденія, изобилія и худаго обращенія соковъ (i). Въ Нерехтѣ, при переходѣ на новоселье, хозяинъ съ хлѣбомъ и солью въ рукахъ, въ растворенныхъ дверяхъ новаго дома обращаетъ къ домовому слѣдующее слово: *Дѣдушка, милости просимъ съ нами на новое мѣсто!* (k). Наша чернь вѣритъ, что колдуны и вѣдьмы по злобѣ или въ наказаніе могутъ оборачивать людей въ разныхъ скотовъ. Между прочими поговорками о такихъ превращеніяхъ, коихъ примѣры находимъ у Овидія, есть слѣдующая: *Оборотнемъ медвѣдь, волкъ пастухомъ, а свинья огородникомъ не бываетъ.* Сюда жъ от-

(i) Разсужденіе о домовомъ въ Дешевомъ подаркѣ суевѣрамъ, изд. *Н. Щеголева*. Владиміръ 1799. 12. — Абевега Рус. суевѣрій. М. 1786. 8.

(k) У Римл: domiducus и domiduca (Юнона). *August*. C. D. VI. 9.

носятся и приговоры, или заговоры, какъ то: *Куда ночь, туда и сонъ — Етотъ бы приговоръ, да тебѣ во дворъ!* и т. п. Понеже, по словамъ Псковск. Лѣтоп. г. 1570, „Руские люди прелестни и падки „на волхвованіе"; то нерѣдко въ пословицахъ вспоминается ворожба, колдовство, какъ-то: *какъ мертвою рукою обвести*, т. е. приворожить, привлечь къ себѣ. Преданія и судебныя дѣла свидѣтельствуютъ, что разбойники нашивали съ собою мертвую руку, коею обводили спящихъ, чтобы они не проснулись и не помѣшали грабить. Въ Германіи и доселѣ ведется суевѣріе, по коему у висѣльниковъ обрѣзываютъ на рукахъ и ногахъ пальцы, носимые на счастье и для другихъ примѣтъ. Пословица *Богъ души не вынетъ, сама душа не выдетъ* противоположна жестокому и суевѣрному обычаю между нѣкоторыми отщепенцами: вынимать у трудно-больныхъ душу, за коею будто приходитъ Архангелъ, замѣняемый у нихъ такъ называемымъ наставникомъ. Съ етимъ сходенъ существовавшій обычай *перелабани-*

вать (полѣномъ по головѣ убивать за пиршествомъ) стариковъ, выжившихъ изъ лѣтъ, для освобожденія ихъ отъ тягостной жизни. Шутливая поговорка между чернью старику: *Ты чужой вѣкъ живешь; тебя пора ужь лобанить!* такъ какъ и другая: *Старъ батька, убилъ бы его, а умеръ батька, купилъ бы его* — намѣкаютъ о существованіи нѣкогда въ Россіи между какимъ нибудь толкомъ безчеловѣчнаго сего заведенія, извѣстнаго у дикихъ Американцевъ.

У древнихъ Грековъ и Римлянъ велось обыкновеніе въ концѣ Декабря гадать, по бѣлымъ или чернымъ бобамъ, въ избирательное правленіе, кто у нихъ будетъ преемникомъ правителей Государства, а въ единодержавіе бобами избирали царей и царицъ пиршества: что̀ бывало и въ старой Франціи. Пиѳагорово правило: *воздерживайся отъ бобовъ*, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, значило: не вмѣшивайся въ правленіе! Бобы издревле у Рускихъ употреблялись для гаданія; въ чемъ увѣряютъ слѣдующія пословицы: *Чужую бѣду бобами разведу, а*

къ своей бѣдѣ ума не приложу—соотвѣтствующая Теренціевой: Facile omnes, cum valemus, recta consilia aegrotis damus, т. е. пока мы здоровы, легко даемъ совѣты больнымъ; также: *Киньте кто бобами, будетъ ли за нами.* У Поляковъ czarny bob, черный бобъ значитъ несчастіе.

Переходъ Славяно-Руссовъ отъ Язычества къ Христіанству составляетъ между тѣмъ и другимъ конъ, за который нерѣдко переступали старобытныя повѣрья, взвычаи (поконы), слившіеся съ нравами и обычаями народа. Благоговѣніе ихъ къ ложнымъ божествамъ, многочастно и многообразно, какъ въ тускломъ зеркалѣ, представлявшимъ единство Божества, перемѣнилось въ истинное благочестіе, при чемъ замѣнились однѣ понятія другими; но слѣды привычныхъ мыслей остались въ памяти и языкѣ народа. Изъ души, питаемой высокими и умилительными правилами Св. Вѣры, проповѣдующей любовь и самоотверженіе съ надеждою на Бога, проистекли многія народныя мысли о вѣрѣ и благочестіи, выраженныя въ краткихъ, сильныхъ и вѣчнопамятныхъ посло-

вицахъ; онѣ все великое, праведное, доброе и прекрасное въ человѣчествѣ относили къ Богу, какъ своему источнику. Внушеніе чистой совѣсти именовалось гласомъ Творца: *Совѣсть добрая есть гласъ Божій.* Единомысліе въ общемъ мнѣніи слыло также гласомъ Божіимъ; ибо *Гласъ народа гласъ Божій*, или какъ говорятъ Италіанцы согласно съ древними Греками: L'universale non s'inganna, т. е. Всѣ люди вообще не обманываются. У предковъ нашихъ крѣпкое упованіе на сильную помощь и покровъ Бога произвело поговорку: *Руской Богъ великъ*, или какъ лѣтописецъ нашъ, изображая пораженіе Монголо-Татаръ, влагаетъ въ уста вождя ихъ Мамая слова: *Великъ Богъ Христіанскій!*

Вѣра Рускихъ въ премудрость, всемогущество и благость Промысла Божія, выражаются слѣдующими пословицами, еще невышедшими изъ употребленія: *Богъ все свое строитъ — Богъ старой чудотворецъ — Умная голова, разбирай Божьи дѣла — Кто таковъ, какъ не Богъ — Богатъ Богъ милостью.* Въ упованіи на

правосудіе Творца, мздовоздаятеля, обиженный на судѣ человѣческомъ, или притѣсненный сильною рукою, предавая дѣло свое Богу на судъ, утѣшался праотеческими пословицами: *Сильная рука Богу судить — Люди съ лихостью, а Богъ съ милостью — Богъ видитъ, кто кого обидитъ — Богъ долго ждетъ, да больно бьетъ.*

Сія утѣшительная надежда вела къ преданности и покорности Промыслу, о коихъ скажутъ намъ сами предки своими словами: *На Бога положишься, не обложишься — Богъ пристанетъ и пастыря приставитъ — Богъ дастъ день, дастъ и пищу — Богъ далъ животъ, Богъ дастъ и здоровье — Богъ дастъ и въ окошко подастъ.* Но чтобы сіе упованіе, столь спасительное, не сближало съ крайностями — безпечностью и нерадѣніемъ, столь губительными для человѣка, предки наши остерегали: *На Бога надѣйся, а самъ не плошай — Боже помози, а ты не боже, не лежи — Богу молись, а къ берегу гребись — Молись, а злыхъ дѣлъ берегись;*

ибо *береженаго и Богъ бережетъ*. Другая крайность—отчаяніе видно въ пословицѣ, вѣроятно родившейся въ Сибири: *До Бога высоко, до Царя далеко*. „Жаль—замѣчаетъ Митрополитъ Філаретъ — „если „такая мысль имѣетъ силу въ народѣ, ко„торому приближеніе къ Богу открыто „благодатію Божіею; но внѣ благодати „Богъ и Его достойное Богопознаніе и „Богопочтеніе подлинно есть *высота* не„достижимая“ (l). „*Рано кому не дано*— „присловица—говоритъ Архіепіскопъ Анастасій — „опытно чудная. Развѣ кому „дано, для того уже поздно? О! весьма „не рѣдко случается, что люди даютъ „хлѣбъ тогда, когда во рту зубовъ нѣтъ.“ „Награждай и будущія предполагая заслу„ги, хотя настоящія и не велики (m).“ Къ довольству своимъ состояніемъ призываетъ пословица: *Не такъ живи какъ хочется, а какъ Богъ велитъ*.

(l) *М. Філарета* Слова къ Моск. Паствѣ. С. П. 1822. Ч. I. 8.—*Тихона В*. Сокровище духовное. С. П. 1784. 2 ч. 8.

(m) Поучит. слова Преосв., *Анастасія Братановскаго*. IV части. М. 1814. 8.

Простой народъ, у насъ, большею частію, неграмотный, научаетъ дѣтей своихъ благонравію и добродѣтели пословицами, близкими къ правиламъ св. Вѣры и преданіямъ православной Церкви. Прародительскія слова, какъ наслѣдственныя заповѣди, повторяются и примѣняются потомками къ разнымъ обстоятельствамъ жизни и часто, по старинному обычаю, съ пожеланіемъ покойникамъ вѣчной памяти, именно такъ: правду говаривалъ покойный дѣдушка, батюшка и матушка, царство небесное: *Хваля Бога, не погибнешь, а хуля, не воскреснешь*, или *За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаетъ*, или *Молиться впередъ пригодится, За Богомъ пойдешь, доброй путь найдешь.*

Увѣренность во всемогуществѣ и благости Творца вселенной, неразлучная съ благоговѣйнымъ чувствіемъ истинной вѣры, у нашихъ предковъ имѣла сильное вліяніе на сѣмейный и гражданскій бытъ; у нихъ никакое дѣло не начиналось и не оканчивалось безъ Бога, и мѣсто и время

святилось непоколебимымъ мнѣніемъ, что *безъ Бога ни до порога.*

Благочестіе къ Богу изкони соединялось на Руси съ любовію къ родинѣ и съ уваженіемъ къ правленію; нерѣдко имя св. покровителя города или области означало собою цѣлый народъ, права его и правленіе; въ святынѣ заключалась и родина: это мы видимъ въ отдѣльныхъ Государствахъ, побратавшихся между собою, Новгородѣ и Псковѣ и въ другихъ удѣльныхъ Княженіяхъ Россіи. Такимъ образомъ *Святая Софія* говорилась вмѣсто Великаго Новгорода; ибо, по словамъ Новг. Лѣтоп. стр. 84: „Гдѣ Святая Софья, тамъ и Новгородъ“; а вмѣсто Пскова, *Святая Троица.* „По„тягнемъ, братья (говоритъ Довмантъ Псковской дружинѣ), за Святую Троицу.“ В. К. Іоаннъ далъ крѣпкое слово своему шурину, Тверскому Князю Михаилу Борисовичу: *не вступаться въ домъ Святаго Спаса*, т. е. утвердить независимость Тверскаго Княженія. Съ восклицаніемъ *за домъ Пресвятыя Богородицы* (т. е. за Большой Московскій Успенскій

Соборъ) сколько побѣдъ одержано Рускими воинами! Такимъ образомъ Святые покровители Государства и города были представителями оныхъ, равно какъ и цѣлые приходы, погосты и волости получали свое имя отъ церквей.

На благочестіи къ Богу основывается преданность Рускихъ къ Государю своему, утвердившаяся съ епохи Единодержавія въ Россіи соединенной. По вѣрѣ народной, *Царь есть Богъ земной* и что ни дѣлается въ Государствѣ, все *по власти Божіей и Государевой* (п). Такія слова доказываютъ безпредѣльное повиновеніе Рускихъ къ своимъ Государямъ и уподобленіе ихъ воли власти Божіей. Бывшій при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ посломъ Принцъ Буххавскій свидѣтельствуетъ, что „если кому изъ „Рускихъ пожелаешь добраго здоровья: то „на сіе отвѣчаетъ: „Дай Боже, чтобы „здравъ былъ Великій Государь нашъ, а за „нимъ и мы его подданные. Еслижъ спро-

(п) Примѣчанія *Болтина* на Исторію Россіи соч. Леклерка. С. П. 1788. ч. 2. стр. 388.

„сишь у кого о чьемъ либо владѣніи: то „скажетъ: „Государево, да его." Въ народѣ говорится, что „не знаютъ, какъ и „подумать о своемъ Государѣ, Богъ и не „Богъ, человѣкъ и болѣе человѣка."—Какое подобострастіе и покорность имѣли дѣти къ отцу, такое подданные къ Государю, почитая Цареву волю за Божію; посему Государя именовали они *батюшкою* (*Государь-Батюшка, Надежа-Государь*), Государыню *Царицей-матушкою*, себя *людьми Божіими и Государевыми*, а собственность свою *Божіею и Государевою*, по извѣстному присловью: *все Божіе, да Государево*. О союзѣ душевномъ Царя съ народомъ гласитъ старобытная пословица: *Царь думаетъ, а народъ вѣдаетъ*.

Отъ невѣжества родилось суевѣріе, которое занимаетъ средину между изувѣрствомъ и вѣрою, а отъ превратнаго и произвольнаго толкованія словъ Св. Писанія возникли расколы. И суевѣрія и расколы часто выражаются и сохраняются въ поговоркахъ и пословицахъ, какъ любимой одеждѣ своей, въ коей мнѣнія

удобнѣе передаются и принимаются. Между разными примѣтами и повѣрьями, въ народѣ господствующими, донынѣ ведется, что *Кто прочтетъ всю Библію, тотъ съ ума сойдетъ* (о), или какъ говорятъ, *зачитается*. Чуждаясь школьнаго ученія, староверы въ Романо-Борисоглѣбскѣ прозываютъ оное *Шведскою* (т. е. свѣтскою) *грамотою*.

Во многихъ мѣстахъ Россіи простой народъ вѣруя, что *матушка пятница гнѣвается на тѣхъ, которые въ день ея работаютъ*, празднуетъ пятницѣ. У Хрістовщины жь нарядивъ дѣвку, чествуютъ ее *Пятницею*. Послѣ Святой Недѣли бываютъ по городамъ, селамъ и деревнямъ торги, кои извѣстны подъ именемъ *временныхъ пятницъ*: потому что они приходятся въ пятый день седмицы, олицетворенный суевѣріемъ (р). О непостоян-

---

(о) Моск. Телегр. 1829, N. 18.

(р) Въ нашихъ святцахъ Св. Параскеву называютъ *пятницею* потому, что у Евреевъ день приготовленія (*Παρασκευή*) къ субботѣ былъ

ствѣ и перемѣнчивости говорится: *на недѣлѣ семь пятницъ;* что вѣроятно прежде значило: вся недѣля безъ дѣла, праздникъ.

У различныхъ толковъ, или такъ называемыхъ согласій, есть свои коренныя мнѣнія, обратившіяся въ поговорки. Двуперстное сложеніе старовѣры, по свидѣтельству Митрополита Платона (q), утверждаютъ пословицей: *Якоже благословистеся, тако и креститеся.* Духоборцы почитаютъ *Церковь не въ бревнахъ, а въ ребрахъ*, говоря: *Покланяюся Христу немазанному, неписанному, а Христу животворному.* Хлыстовщина, отчасти сходная съ бичующимися Западной Церкви, говоритъ: *Себя хлыщу, Христа ищу*, и держась ложнаго и вреднаго мнѣнія о средствахъ примиренія съ Богомъ, учитъ, будто

томъ же, что у насъ пятница, и по сказанію въ Четьи минеи, Окт. 28. См. *Наставленіе правильно состязаться съ раскольниками*, соч. въ Рязан. Семин. М. 1825 г. 8.

(q) Его Краткая Церковная Исторія. М. 1805: 2 ч. J. *Moshemii* Jnst. Historiae Christ. Lips. 1783.

не согрѣша, *не умолишь*, или *Если не грѣшить, такъ не о чемъ и молить*, или *Должно грѣшить для того, чтобы непрестанно молиться и каяться* (r). Это же согласіе оправдываетъ свое незаконное сожитіе съ женщинами поговоркою: *Женатые грѣшатъ, да не каются, а мы грѣшимъ, да каемся*. Скопцы утверждаютъ: *Коли себя скоплю, такъ рай себѣ куплю*.

Наши лѣтописи, старобытные законы и обычаи свидѣтельствуютъ о великомъ уваженіи Славяно-Руссовъ, въ Язычествѣ и въ Христіанствѣ, къ волосамъ, слывущимъ *честными и святыми*, и къ бородѣ; Руские, подобно Евреямъ, (s) клялись бородою, какъ святынею, и хранили ее, какъ знаменіе чести и сановитости. Князь Ростовскій, отрицаясь предъ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ отъ переписки съ Польскимъ Королемъ, клялся, чтобъ *ему не видать своей бороды!* Старообрядцы

(r) Его *Розыскъ*.

(s) Archaeologia Biblica J. Jahn. Viennae. 1814.

полагая *образъ Божій въ бородѣ, а подобіе въ усахъ*, утверждаютъ, что *безъ бороды и въ рай не пустятъ*. По свидѣтельству Коллинса, Руские болѣе вѣрятъ слову человѣка брадатаго, нежели клятвѣ безбородаго; однакожь у нихъ есть пословица: *Вѣрь бородѣ, а порука въ водѣ*. Кому не извѣстно, какое гоненіе было при Петрѣ I за бороды, какъ крѣпко за нихъ стояли старовѣры, повторяя: *Рѣжь наши головы и не тронь наши бороды!* По свидѣтельству Св. Димитрія Ростовскаго, они говорили: *Готовы главы наши за брады наши положити;* ибо брить бороду, по ихъ мнѣнію, значило *портить образъ Христовъ*. Сколькихъ жертвъ стоила сія преждевременная борьба съ предразсудками народными! — Уваженіе къ старости и старшинству, столь похвальное въ Рускомъ народѣ, ввело пословицу: *Гдѣ старья, тамъ и статья*, и было основаніемъ толка *Стариковщины*, или *Софонтьевщины* (t), который тому и вѣруетъ, что

(t) Пращица листъ 2 и Церк. Словарь *П. Алексѣева*. IV ч. М 1816.

старики скажутъ, не входя въ разсмотрѣніе догматовъ ученія. Раскольники и староверы вообще называютъ Православныхъ *суетными*, *щепотниками*, а по Никону Патріарху, исправившему книги церковныя, *Никоніанами*, говоря: *у насъ свой Богъ, а у Никоніанъ другой* (и).

Съ Петра I началось въ Россіи ношеніе париковъ и при Аннѣ Ивановнѣ вошло въ обыкновеніе, какъ видно изъ Кантемировыхъ сатиръ; тогда говаривали: *Старикъ надѣлъ хоть и парикъ, а не будетъ Католикъ*, показывая тѣмъ, что парикъ не мѣшаетъ Православію. Руские изстари чувствовали отвращеніе отъ табаку, за нюханіе коего Стоглавомъ и древними уставами присужалось строгое наказаніе; однакожь Преобразователь Россіи контрактомъ своимъ въ Лондонѣ 1698 г. о торговлѣ табакомъ въ Россіи, ввелъ употребленіе

(и) Письма изъ Малороссіи *А. Левшина*, Харк. 1816.

онаго между всѣми сословіями. Какъ тогда старообрядцы гнушались, такъ и теперь гнушаются симъ зеліемъ, говоря пословицей: *Кто табакъ пьетъ, да куритъ, тотъ Святый Духъ изъ себя туритъ.* Также о другомъ предметѣ роскоши и сластолюбія, чаѣ и кофеѣ, болѣе закоснѣвшіе староверы твердятъ: *Кто пьетъ чай, тотъ спасенія не чай*, или *Китайская стрѣла въ Россію вошла, въ крестьянскія сердца̀, сгубила всѣхъ до конца. Кто кофей пьетъ, того громъ убьетъ* и т. д.

Собраніе подобныхъ символовъ между разными сектами или толками представило бы духъ разныхъ ученій, какимъ слѣдуютъ въ разныхъ сторонахъ Россіи, и дополнило бы Исторію ересей и Философіи.

β.) *Обычаи и нравы въ пословицахъ.*

Чѣмъ больше что либо издавна пришло въ обыкновеніе, тѣмъ глубже укоренился предразсудокъ. Нравы и обыкновенія; къ коимъ принюровился и прiобыкъ какой либо народъ, постоянно господствуютъ надъ мыслями и дѣйствіями онаго по силѣ привычки и по праву давности. Пословицы, какъ общій языкъ, выражаютъ или то, что существуетъ, напр. обычаи и нравы, или то, чему должно быть: нравоученіе, или нравственность. Начнемъ съ первыхъ, дабы легче перейти къ послѣднимъ.

Препод. Несторъ говоритъ, что Славяне „*имѣяху обычаи свои и законъ отецъ своихъ и преданье, кождо свой нравъ*. Различіе нравовъ и обычаевъ по времени и по мѣстности въ Россіи подтверждается самою пословицей: *Что городъ, то норовъ: что деревня, то обычай*, или *Во всякомъ подворьѣ свое повѣрье.* Въ Рускихъ нравахъ и обычаяхъ, коими, какъ увидимъ, замѣнялись зако-

ны, отсвѣчивается Язычество, замѣненное Хрістіанствомъ, а отъ сліянія въ Россіи разныхъ народовъ въ разныя епохи коренное Славянское, Руское, Вvзантійское, Татарское, Литовское, Германское и т. д.; отъ сего въ житьѣ бытьѣ народа нашего сливается Сѣверное съ Восточнымъ и Западнымъ, Азіятское съ Европейскимъ. Какъ древнія сношенія Рускихъ съ Греками и двухвѣковое владычество Монголо - Татаръ, такъ равно епохи Единодержавія съ Іоанна IV и Преобразованія съ Петра I во многомъ измѣнили старинные нравы и обычаи народные, въ коихъ хотя видны и странности, грубость и невѣжество, но притомъ есть простота, доброта и другія похвальныя качества. Среди такихъ переворотовъ Славянское замѣняясь Рускимъ, Ганза Ордою, Вvзантійское Нѣмецкимъ, областныя Вечи Думами Единодержавія, взаимно клали свой цвѣтъ на обычаи и нравы народные, кои отъ сего сдѣлались столь пестрыми, что едва можно по мѣстамъ отличить главные ихъ цвѣты. Отъ разнородной етой примѣси, по после-

вицѣ, иногда *что стыдно и грѣшно, то въ обычай вошло.*

Жители разныхъ сторонъ Великія, Малыя, Бѣлыя и Черныя Россіи въ *Славянскій*, *Рускій*, *Татарскій*, *Московскій и Петровъ* періоды должны имѣть свои нравы и обычаи, и соотвѣтствующія онымъ пословицы, какъ употребительные тѣхъ и другихъ представители; но отъ смѣшенія въ нихъ древняго съ новымъ, отечественнаго съ иноземнымъ, языческаго съ Христіанскимъ, не всегда и не вездѣ можно съ достовѣрностію положить разграничительную черту, гдѣ оканчивается одно и начинается другое; ибо и древніе Лѣтописцы наши нерѣдко произвольно переставляли произшествія изъ вѣка въ вѣкъ, съ одного мѣста на другое.

Посему и будемъ слѣдовать въ етомъ отдѣленіи болѣе порядку самыхъ предметовъ по отношенію ихъ къ Нравственности, нежели Хронологіи, приводя здѣсь особенно тѣ изъ старинныхъ обычаевъ, о коихъ воспоминанія хранятся въ Лѣтописяхъ, преданіяхъ и пословицахъ: слѣды ихъ открываются также

и въ разныхъ сторонахъ Россіи: что вывелось въ одномъ, то ведется еще въ другомъ мѣстѣ, и частнымъ иногда объясняется общее, древнимъ новое, иноземнымъ отечественное. Общимъ согласіемъ обычаи, принимаются и отмѣняются, и слывутъ по старшинству *древними, давними*, кои вывелись, или еще удерживаются и въ новыя времена, а по нововведенію *новыми*.

Подобно многимъ изъ Восточныхъ и Славянскихъ народовъ, отличительною чертой нравовъ и обычаевъ въ предкахъ нашихъ и среди Язычества было почтеніе къ старѣйшимъ, которое утверждало благоустройство сѣмейное и общественное; оно признавалось главнымъ правиломъ нравственности народной и политики Государственной и въ Христіанствѣ, подтвердившемъ старобытное заведеніе. *Старшихъ* — говаривали — *и въ Ордѣ почитаютъ*. Лѣтописи наши исполнены умилительными и назидательными примѣрами сей патріархальной добродѣтели, зиждительницы и блюстительницы Рускаго Государства. „Старыя чти — яко „отца—учитъ Владиміръ Мономахъ — а мо-

„лодыя яко брашью." Псковскій Князь Довмонтъ, ободряя малую дружину свою прошивъ многочисленнаго врага, велъ ее къ побѣдѣ слѣдующими словами: „Брашья, мужи „Псковичи! кшо сшаръ, шошъ ошецъ, а „кшо молодъ, шо брашъ." Подлинно, гдѣ единоземцы душами соединены, шамъ сшаршими ошцы, а младшими брашья. —

Брашское сшарѣйшинсшво Великаго Князя въ ошношеніи къ Удѣльнымъ, какъ сшаршаго браша къ меньшимъ, между прочими сосшояло въ шомъ, чшо они должны бышь съ нимъ за одно безъ лисы (List?) и подобно усшаву ѳеодальному, были „съ брашомъ своимъ „вездѣ за одинъ и до своего живоша; а кшо „Князю другъ, шо и шобѣ другъ, а кшо „будешъ Великому Князю недругъ, шо и „шобѣ недругъ" (v). При жизни сшаршаго браша Олега В. К. Игорь I ошказываешся приняшь правленіе. Мсшиславъ Владиміровичь увѣдомляешъ бѣгущаго ошъ него Олега Свяшославича, чшо желаешъ

(v) См. въ *Посл. Мишроп. Росс.* посланіе ко Кн. Дмишрію Юрьевичу. У Вико приведена слѣ-

съ нимъ примириться, а не воевать какъ со старшимъ. Князья Давидъ и Мстиславъ Ростиславичи въ 1174 г. отказались отыскивать Кіевскій престолъ, но послали къ В. К. Владимірскому Андрею Боголюбскому, какъ старшему въ родѣ, просить его соизволенія (w). На уваженіи къ старшинству основано было въ Россіи право, которое отдавало престолъ старшему въ родѣ, а не сыну послѣ отца — право впрочемъ вредное по своимъ слѣдствіямъ и не истребившееся еще при Іоаннѣ IV. Такъ какъ *старья* почиталась *статьею*, т. е. уставомъ, порядкомъ: то и старшіе, по своей опытности и благоразумію, предпочтительно избирались въ начальники, судьи, свидѣтели и совѣтники. *Старина съ мозгомъ*, т. е. съ умомъ.

Съ благочестіемъ къ Вѣрѣ и съ почтеніемъ къ старшинству соединилась и

дующая формула Феодальная, сходная съ вышеозначенною: (Ligue) celui qui doit reconnoître pour amis et pour ennemis tous les amis et les ennemis de son Seigneur. см. Principes de la Philosophie de l'Histoire, par Vico, à Paris. 1827.

(w) см. Труды О. Ист. и Др. Росс. ч. 2. ст. *Арцыбышева*.

покорность въ Руских къ Начальству, какъ власти отъ Бога поставленной. Послѣ уничтоженія Удѣльной системы, Новгородской и Псковской Старины и по водвореніи Единодержавія въ Россіи, когда на Московщинѣ стали говорить подданные, что они *душею Божіи*, а *тѣломъ Княжіе;* тогда вошло въ обычай, при подаваніи боярами Царю просьбы или совѣта, приговаривать: *А всего свыше, Государь, вѣдаетъ Богъ, да Ты; какъ тебѣ Богъ на сердце положитъ.* Гваниии и Болшинъ также свидѣтельствуютъ, что и Царь отвѣтствовалъ просителямъ: *Если будетъ Богу угодно*, или *Если Богъ велитъ: я ето сдѣлаю.* О мнѣніи народномъ, что *Сердце Царево въ руцѣ Божіей*, свидѣтельствуютъ Петрей и старая поговорка: *Про то вѣдаетъ Богъ, да Царь.*

Слова Ѳеофана Прокоповича, что „вожделѣнно всѣмъ видѣть лице Царское", оправдываются благоговѣйнымъ въ народѣ обычаемъ *видѣть свѣтлыя Царскія очи.* Особенно для сего сбирался народъ въ день Сvмеона лѣтопроводца, въ Москвѣ на боль-

шую Ивановскую площадь, гдѣ Царь, по древнему обычаю, сидя на престолѣ въ Царской одеждѣ, окруженный боярами, принималъ благословеніе отъ Митрополита, или Патріарха и привѣтствіе отъ подданныхъ, тогда еще именовавшихъ себя рабами. Въ 1698 году, 1 Сентября, Петръ I въ послѣдній разъ исполнилъ сіе древнее заведеніе въ Москвѣ, начавъ 1700 года по иностраннымъ обычаямъ праздновать начало новаго лѣта съ Января мѣсяца (x).

Какъ въ соединеніи сѣмействъ, составляющемъ Государство, главою Государь и Законъ, такъ и въ каждомъ сѣмействѣ природою и закономъ поставленъ отецъ онаго. Старинными пословицами изображается власть домовладыки: *Въ домѣ нѣтъ хозяина больше;* попечительность его — *Добрая голова сто головъ кормитъ;* наслажденіе его — *Хозяинъ въ дому, какъ Авраамъ въ раю;* обиліе и довольство у него — *Домъ какъ полная чаша.* Но и трудности вести порядокъ и водворить благоденствіе въ домѣ выражаются посло-

(x) Дѣянія Петра I, т. X.

вицами: *Домъ яма: стой прямо — Горе тому, кто непорядкомъ живетъ въ дому — Домомъ жить, не разиня ротъ ходить.* Владиміръ Мономахъ даетъ дѣтямъ своимъ о хозяйствѣ слѣдующій совѣтъ: „Въ дому „своемъ не лѣнитеся, но все видите, не „зрите на тивуна, ни на отрока, да не „посмѣются приходящіи къ вамъ и дому „вашему и обѣду вашему.“ Домашнее устройство надѣляло хозяина *спорыньею* которая почиталась *выше богатства*; оно требовало его присмотра: *Хозяйскій глазъ смотрокъ*, а *не свой глазъ, не любой кусъ.* Труды хозяина раздѣляетъ хозяйка; онъ домовникъ, она домовница; отъ него, по пословицѣ, должно *пахнуть вѣтромъ*, отъ нее *дымомъ*, т. е. онъ внѣ дома приобрѣтаетъ, она приобрѣтенное хранитъ и въ пользу употребляетъ. Иначе, *не столько мужъ мѣшкомъ, сколько жена горшкомъ вытащутъ изъ дому*, т. е. не столько мужъ, сколько жена можетъ разорить домъ. Также *Добрая жена домъ сбережетъ, а плохая своимъ рукавкомъ разнесетъ.*

Бракъ въ старину у насъ считался не однимъ договоромъ, какъ по естественному праву, но основаніемъ общественнаго благоустройства, закономъ, судомъ Божіимъ и священнымъ, вѣчнымъ союзомъ, который связывала сила вѣры и цѣль природы. *Мужъ* величаемъ былъ *главою*, а *жена—душою*. Нравы и обычаи предковъ служили мѣрою счастія и залогомъ твердости сихъ союзовъ; ибо старинные мужья полагая, что *воля добру жену портитъ*, не давали воли женамъ. Владиміръ Мономахъ совѣтуетъ дѣтямъ своимъ „Женъ любить, но воли имъ не давать надъ собою." Даніилъ Заточникъ (XII в?) приводитъ мірскую притчу: *Не мужъ въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена владѣетъ, не работа въ работахъ подъ жонками возъ возити.* Герберштейнъ первый сказалъ, будто жена Россіянка не увѣрена была въ любви своего супруга безъ частыхъ отъ него побоевъ; хотя сіе могло быть только отчасти истиною, объясняемою для насъ древними обычаями Славянскими и грубою нравственностію временъ ига Батыева. Къ

шому же обычаю относятся пословицы: *Милаго побои не долго болятъ*, или *Милые бранятся, только тѣшутся—Люби жену какъ душу, а тряси какъ грушу*, или *бей какъ шубу*, сходная съ Теренціевымъ стихомъ: *Amantium irae amoris integratio est*, т. е. „брань любящихся есть воз„обновленіе любви." П. Петрей приводитъ въ свидѣтельство сему одно судебное дѣло и употребительное слово, которое и теперь еще повторяется женами въ отдаленіи отъ столицъ: *Ты меня не любишь; ты меня не бьешь!* „Руские, говоритъ одинъ чужестранный путешественникъ по Россіи въ XVII вѣкѣ, не давали воли женамъ по пословицѣ своей, похожей и на Нѣмецкую по сходству нравовъ: *Кто женѣ своей волю даетъ, тотъ самъ себя окрадываетъ*, (Wer seinem Weibe die Freiheit lässet, beraubet sich selbsten (y)," или *Когда женѣ спускать, такъ въ чужихъ домахъ ее искать.* — Впрочемъ даже во Франціи, славящейся нѣжностію нравовъ,

(y) Anhang von der Reußischen, oder Moskowitischen Religion. Leipz. 1698. 12.

до временъ Людовика XIV, по свидѣтельству Бомануара, старинные обычаи давали мужьямъ полную власть надъ женами (z), именно: battre leurs femmes à loisir. Но ето водилось въ старые годы, какъ видно изъ слѣдующей пословицы: *Въ стары годы бывало, мужъ жену бивалъ, а теперь жена мужа бьетъ.*

Не взирая на такое самовластіе старинныхъ мужей въ Россіи надъ женами, которое, по нравамъ и по духу нашего времени, можетъ назваться суровостью и даже жестокостью, до В. К. Сумеона Гордаго не слышно почти было о разводахъ (a), кои и до XVIII вѣка весьма были рѣдкими и почитались позорными и грѣшными. *Женидьба есть*, гласитъ пословица, а *розженидьбы нѣтъ. Доброе замужство поскименье.* Рафаилъ Барберини въ XVI вѣкѣ описываетъ древ-

(z) *Болтина* Примѣчанія на Исторію древней и нын. Россіи, соч. Леклерка. Спб. 1788. 2. 7. 4.

(a) Однако и прежде его встрѣчаются сіи случаи въ Лѣтоп. Ник. II. 53. Воскрес. II. 133. Ярославцевъ въ III 9. Романа Мстиславича въ 1203 г. 3. Замѣч. *Арцыбышева.*

ній обрядъ развода въ Россіи, который состоитъ въ томъ, что „мужъ съ женою идетъ къ проточной водѣ и становится каждой на противоположной сторонѣ и, взявши за концы тонкую холстину, тянутъ ее до тѣхъ поръ, пока не разорвутъ, такъ что у каждаго изъ нихъ останется по половинѣ въ рукахъ. Послѣ сего расходятся, кому куда угодно и дѣлаются свободными." Не это ли было *лады у воды* въ ироническомъ смыслѣ? Вступленіе въ монашество иногда разлучало также несогласныхъ между собою супруговъ, какъ гласитъ преданіе и слѣдующая поговорка: *Отъ женъ люди постригаются.*

И жребій и имущество почитались общими у жены съ мужемъ, такъ какъ велось у Германцевъ; что и оправдывается старинною ихъ пословицей: Mann und Weib sind ein Leib, т. е. мужъ и жена одно тѣло, а по простому Рускому выраженію, *Мужъ и жена одна душа.* Согласіе и любовь — *ладъ*, почитался залогомъ семейственнаго благоденствія, выше самаго богатства: *Не надобенъ и кладъ, коли*

у мужа съ женою ладъ. О несогласіи же супружескомъ говорили: *Коли пойдетъ вкось, да врозь, такъ дѣло и брось.* —

По стариннымъ обычаямъ и законамъ, жена, убившая своего мужа, живая зарывалась въ землю по самыя плечи и такъ оканчивала жизнь свою (b). Майербергъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ етой казни въ Москвѣ. Хотя Царь Ѳеодоръ Алексіевичъ 1679 г. и запретилъ закапывать въ землю женъ за убійство своихъ мужей; однако Бруинъ при Петрѣ 1 видѣлъ въ Москвѣ 1702 г. такую казнь, какая была въ Енисейскѣ и при Аннѣ Ивановнѣ. Отъ етаго вѣроятно и сравненіе, обратившееся въ поговорку, *какъ вкопаная?* „По старинному судебному обычаю" — свидѣтельствуетъ очевидѣцъ Петрей — „нарушитель святости супружескаго ложа повиненъ былъ платить такую сумму денегъ, какую законный мужъ потребуетъ, и сверхъ того, долженъ быть провожденъ ударами плети отъ дверей Приказа до опозореннаго имъ дома; а преступная жена подвергалась, въ присущ-

(b) Новоук. статей, 98.

ствія родныхъ, тѣлесному наказанію и (что бывало у древнихъ Германцевъ (е)) остриженію волосъ на головѣ, или заключалась въ монастырь: тогда ея мужу дозволялось взять себѣ другую жену." Столь сильныя и жестокія врачевства употребляли предки наши, подобно Византійцамъ, для врачеванія распутства, нарушающаго частное и общее благо. Слово *рогоносецъ*, какъ выше замѣчено, взято отъ иностранцевъ; объ немъ Руские говорили, по свидѣтельству Коллинса, что онъ *валяется подъ лавкою*.—Но все это старина, а *старина*, по давней пословицѣ, *что диво*!

Супружество старинное заключалось не по одному влеченію пылкой страсти юношей, но по благословенію родителей, которые, сами выбирая изъ добраго, пріятельскаго сѣмейства сыну невѣсту, а дочери жениха, обращали старинное дружество въ свойство и родство. Женихъ и невѣста до брака и не видали другъ друга. Старая пословица учила: *Первую дочь бери по отцу и матери, а вторую по сестрѣ*, т. е. глядя

(е) *C. Tacit* de mor. Germ. c. 19.

тому, какъ отецъ и мать живетъ, или какъ выданная за мужъ дочь ихъ. *Выбирай жену не глазами, но ушами*, т. е. не смотри на однѣ внѣшнія красы, а на доброе объ ней мнѣніе. Родители, которые *берегли дочь до вѣнца*, передавали власть свою мужу ея, который долженъ былъ *беречь ее до конца*. По старинному заведенію, которое нынѣ сохранилось болѣе между людьми стариннаго вѣка, дѣвицы подъ надзоромъ родителей, жили въ уединеніи, рѣдко показывались и въ церквахъ, занимаясь дома рукодѣльями и приучаясь къ хозяйству, какъ основанію сѣмейнаго благосостоянія. Матери съ дочерьми не только у бояръ, но и у Царя, хотя и не ходили на рѣку мыть бѣлье подобно Гомеровымъ Царевнамъ, а въ теремахъ своихъ пряли и ткали холстъ на рубашки мужьямъ и вышивали волотомъ, серебромъ и шелками ширинки и пр. Жены, кромѣ Новгородскихъ посадницъ, не вступались въ мужскія дѣла; ибо старая поговорка съ обычаемъ присужала имъ *знать свое кривое веретено*; такъ Салійскій законъ о прясличномъ правѣ

(droit en quenouille) отрѣшалъ во Франціи женщинъ отъ правленія. Старинные обычаи предписывали дѣвицамъ затворничество въ теремахъ; что видно и изъ слѣдующихъ пословицъ: *Держи деньги въ темнотѣ, а дѣвку въ тѣснотѣ*, или *Всякъ бы про дѣвушку слышалъ, да не всякъ бы ее видѣлъ*, также *Въ клѣткахъ птицы, а въ теремахъ дѣвицы*. Иные полагаютъ, что сей обычай заимствованъ Рускими отъ Татаръ; но кажется его происхожденіе еще древнѣе, какъ свидѣтельствуетъ и самое слово, упоминаемое Несторомъ, и строеніе *τέραμνος* и *τέρεμνον*, *теремъ*, перешедшее къ намъ отъ Грековъ; ибо извѣстно и то, что древніе Еллины и Византійцы не давали свободы женщинамъ и держали ихъ въ особыхъ внутреннихъ покояхъ дома, кои у первыхъ назывались *γυναικεῖον*, у другихъ *τέρεμνον* (d), и *νυμφίδιον ἀπὸ τερέμνων*,

(d) Antiquités grecques, trad. *de Robinson*. à Paris. 2 v. 1822. 8. — По свидѣтельству Нестора, (по Лавр. сп.) у Ольги былъ *дворъ теремный* и *теремъ каменъ*. *Дворецъ теремный*, донынѣ подъ симъ названіемъ существующій въ Москвѣ, заложенъ былъ въ 1499 г. Архитекторомъ Миланскимъ Алевизомъ.

дѣвичьи свѣтелки, или вышки, и покои для новобрачныхъ у *Еврип.* Hipp. v. 768., у *Лукіана* ἐρωτ. 34., такъ какъ въ Рускихъ пѣсняхъ и присловьяхъ, *ὑψιλὰ τέρεμνα, высокіе терема.* Старинное сказаніе изображаетъ намъ великолѣпіе терема, гдѣ хранилась красота съ цѣломудріемъ: „На небѣ солнце, въ терему солнце; на „небѣ мѣсяцъ, въ терему мѣсяцъ; на небѣ „звѣзды, въ терему звѣзды и вся красота „поднебесная.“ Рука Преобразователя Россіи начала открывать заклепы теремовъ и выводить женщинъ на свѣтъ.

Дѣти отъ добраго сердца вѣрили, что покорность судьбѣ и волѣ родительской благословляется милостію Божіей; уваженіе къ святости закона часто замѣняло любовь, которая пріобрѣталась и упрочивалась временемъ, скрѣпляясь залогами супружескаго сожитія. *Невольники бываютъ счастливы*, гласитъ пословица о тѣхъ, которые волю свою предаютъ волѣ Божіей и родительской. Съ такою преданностью терпѣли жены и суровость мужей своихъ, побѣждая ее кротостію—

вѣрнѣйшимъ оружіемъ, какимъ природа снабдила женщину.

О неравенствѣ лѣтъ при бракосочетаніи жениха и невѣсты говоритъ пословица: *Невѣста родится, а женихъ на конь садится;* она напоминаетъ древній языческій обычай *сажденія на коня*, какъ бы Татарское рыцарство: что дѣлалось болѣе во младенчествѣ отъ двухъ до семи лѣтъ вмѣстѣ съ *постриженіемъ власовъ;* при чемъ, какъ и при крещеніи, бывали знатные люди восприемниками. Такой обрядъ, означавшій вступленіе младенца въ бытіе гражданъ, извѣстенъ былъ не только въ Россіи, но и въ другихъ земляхъ Славянскихъ, по свидѣтельству М. Галла и Кадлубка. Татищевъ увѣряетъ, что сіе постриженіе на его памяти совершалось между знатными особами и что младенцы переходили тогда изъ рукъ женскихъ въ мужескія (е). Подобное обыкновеніе сохранялось у козаковъ, у которыхъ, по истеченіи со-

---

(е) Татищева Росс. Истор. кн. 3. 502. прим. *Арцыбышева.*

рока дней и послѣ очистительной молитвы рожениць, отецъ подстригалъ младенцу волосы кругомъ и сажалъ на лошадь и поздравлялъ мать съ козакомъ. Когда же у младенца прорѣзывались зубы: тогда отецъ и мать возили его на конѣ къ церкви служить молебенъ Св. Іоанну Воину о томъ, чтобъ младенецъ былъ *храбрымъ козакомъ* (f).

Не утонченныя правила нравственнаго любомудрія, но св. вѣра и внутреннее ощущеніе справедливости, перешедшее въ общее мнѣніе, было у предковъ нашихъ основою любви родителей къ дѣтямъ и непреложнаго, пожизненнаго повиновенія дѣтей къ родителямъ, какъ источника сѣмейнаго и общественнаго блага, и соединялось съ увѣренностію, что *Кто родителей почитаетъ, тотъ навѣки не погибаетъ*; что *Родительское благословеніе на водѣ не тонетъ, на огнѣ не горитъ*, что *Материна молитва со дна моря вынимаетъ*. Преподобный Несторъ

(f) Руская старина, изд. А. *Корниловичемъ*, изд. С. П. 1825.

говоритъ о Святославѣ Игоревичѣ, что „онъ не послушавъ матери, творяше норовы поганскіе, не вѣдый: аще кто матери не послушаетъ, въ бѣду впадаетъ."— Руской народъ, согласно съ ученіемъ Св. Писанія, вѣритъ, что *Отцовская клятва сушитъ, а материнская коренитъ.*

Хотя въ старину у насъ отцы и не имѣли права троекратно продавать дѣтей своихъ (g), какъ бывало въ державномъ Римѣ и какъ донынѣ ведется въ Китаѣ, гдѣ понятіе о власти родительской сильнѣе самаго закона; однакожь при воспитаніи дѣтей старинные родители крѣпко держались правила: *Гдѣ страхъ тутъ и благочестіе;* — прежде времени не давали имъ воли, вѣдая не изъ умозрѣнія, но изъ опыта, что *Воля заноситъ въ неволю.* Въ старину была пословица, нынѣ почти выведенная изъ употребленія новыми способами воспитанія, заимствованными отъ иноземцевъ: *Ненаказанный сынъ безчестіе отцу* — пословица, по видимо-

(g) Но однократно имѣли право ихъ продавать, какъ значится въ *Судебникѣ* § 75. А.

му, противная духу нашего вѣка и Руссовой системѣ воспитанія, потворствующей страстямъ, но согласная съ наставленіями Іисуса сына Сірахова: *Любяй сына своего оучаститъ ему раны, да возвеселится въ послѣдняя своя.* Какія видѣли мы благотворныя слѣдствія строгости при воспитаніи юношества въ Римѣ, когда свято и ненарушимо хранились уставы предковъ, подобно огню неугасаемому Весты — такія же замѣчаемъ и въ своемъ отечествѣ, когда вышеприведенныя нами пословицы, суровыя впрочемъ для нашего вѣка, служили непреложными правилами въ сѣмейной жизни, которая есть розсадникъ общественныхъ добродѣтелей.

Какъ области издавна въ Россіи, такъ и Государи и частные люди браталисъ; и етотъ союзъ душевный называясь у Рускихъ *побратимствомъ* (h), освящался церковнымъ обрядомъ; но, подобно усыновленію, послѣ отмѣненъ. Между собою побратавшіеся мѣнялись тѣльными

(h) Потребникъ Патр. Филарета, л. 144.

крестами, и именовались *братьями назваными*, *побратанцами*, а въ Сибири *крестовыми;* при разрывѣ дружбы кресты возвращались одинъ другому: *Братъ не братъ, такъ отдай мой крестъ.* Такимъ образомъ брашались и разбрашались. Брашотвореніе извѣстно не только у Поляковъ (braterstwo, pobratańswo), Богемцевъ (bratrſtwo) Словаковъ (braterſtwo), Далматовъ (bratsztvo), Кроатовъ (bratinsztvo), Босняковъ (bratinsctvo) (i), но даже у Мугаммеданъ, у которыхъ, по заповѣди Мугаммеда, странствующіе въ Мекку на горѣ Арафѣ сдѣлавъ поклоненіе праотцу Адаму и сотворивъ молитву, взаимно объемлются и тѣмъ свидѣтельствуютъ предъ Богомъ братство странническое съ обѣщаніемъ другъ друга сохранять и почитать (k). У древнихъ Грековъ братствомъ (*φρατρία*) называлось политическое раздѣленіе на-

---

(i) См. въ *Потребникѣ*, М. 1652, гл. 40. Чинъ братотворенія. „Паны Литовскіе побратавшись и покумившись съ Рускими, пишетъ Стрыйковскій, населяли пустыни Рускія.“

(k) Книга Систіма Мугаммеданскія религіи. С. П. 1722. кн. V. гл. 6.

рода, которое вѣроятно имѣло основаніе въ старыхъ родовыхъ связяхъ. Въ Россіи понятіе Христіанскаго братства, соединяющаго единовѣрующихъ, сходно съ понятіями Восточныхъ жителей, какія и доселѣ существуютъ между Мугаммеданами. Круговая чаша, изъ коей Руские пили, слыветъ *братиною*. (1) Въ Костромской и другихъ Губерніяхъ *братчиною* называется пиршество, устроенное въ складчину; къ сему относится поговорка: *братчина складчина*. Сколько братство и родство служили единеніемъ для взаимнаго вспоможенія, пользы и веселія, столько раздѣленіе въ сѣмьяхъ крестьянскихъ, особливо замѣтное съ XVIII вѣка, влечетъ за собою оскудѣніе, разрывая тѣ узы общенія и повиновенія, кои крѣпко соединяли душу съ душею. Родные братья и при отцѣ и безъ отца не дѣлились, такъ какъ и мужъ съ женою, составляя одну сѣмью, въ коей старшій братъ заступалъ мѣсто отца для младшихъ. *Вѣникъ не переломишь, а по прутку весь изломаешь — Доброе братство милѣе богатства.*

(1) Словарь Росс. Академіи. I изд.

„Будь къ сосѣдямъ добръ, пишетъ „Катонъ (m): если станешь жить съ ни„ми въ ладу, то скорѣе сбудешь съ рукъ „избытки свои; въ нуждѣ они тебѣ помо„гутъ, чѣмъ могутъ.“ — Такихъ правилъ держались и предки наши, дорожа добрымъ сосѣдствомъ: *Не купи себѣ домъ*, говаривали они пословицей, *да купи сосѣда*. Водя между собою хлѣбъ-соль, какъ *взаимное дѣло*, пособляя одинъ другому *не въ службу, а въ дружбу*, и наслаждаясь взаимною довѣренностью и доброхотствомъ, они любили жить съ сосѣдями душа въ душу, такъ, чтобы былъ *дворъ обо дворъ и калитка на дворъ*. Послѣ того, какъ Царь Алексѣй Михайловичь, оставивъ поземельную, уставилъ подворную подать, положенъ сборъ съ воротъ; тогда близкіе дворами и душами сосѣди, бѣдные дѣлали у двухъ и трехъ домовъ одни вороты, за кои платили подать въ складчину. Въ числѣ хорошихъ свойствъ гражданина было то, что онъ *добрый сосѣдъ*. На свидѣтельствѣ сосѣдняго околотка основывается донынѣ

(m) *Cato* de re rustica.

употребительный въ судебныхъ изслѣдованіяхъ *повальный обыскъ*.

Къ сѣмействамъ, кои состоятъ изъ повелѣвающихъ и повинующихся, принадлежали слуги и рабы, какъ домочадцы, которыхъ значеніе и жребій въ различныя епохи Россійскаго Государства были различны до Татарской епохи, по установленіи Царемъ Іоанномъ IV срока переходовъ крестьянъ, и съ царствованія Петра I. Издревле извѣстны болѣе три рода рабовъ въ Россіи: *рабы*, *холопи*, *смерды*, различавшіеся по занятіямъ и условіямъ, съ какими они подверглись рабству (n). Рабами были крѣпостные холопи, или дворовые или сельскіе, потомки купленныхъ людей или военноплѣнныхъ; а холопы, жившіе при домахъ господскихъ на готовомъ содержаніи по *кабалѣ* и по *лѣтной*, или сами шли въ кабалу отъ бѣдности, или продавались, какъ свидѣтельствуютъ старобытные законы, лѣтописи и пословицы: ***Не роженъ не сынъ, не купленъ не холопъ*** (не слу-

(n) О состояніи крестьянъ господскихъ въ Россіи, соч. *М. Грибовскаго*. Харьк. 1816. 12

га), и *Неволя холопу, а воля господину,* который, по другой пословицѣ: *въ неволѣ у прихотей своихъ.* Холопы, лишенные вмѣстѣ съ свободою и довѣренности, по Руской правдѣ ст. VI, не брались въ свидѣтели: „Холопу на правду не вылѣзати; а „послушества на холопа не всклaдывай.“ По примѣру Восточныхъ жителей, серьги у холопа служили признакомъ рабства; о чемъ напоминаетъ пословица въ Калугѣ: *Ужь видѣнъ холопъ: серьга въ ухѣ* (о). Съ Единодержавія въ Россіи самые вельможи именовались изъ подобострастія къ Царю его *холопами* и *рабами* до Екатерины II. Для истребленія бродягъ и тунеядцевъ запрещено было помѣщикамъ брать себѣ въ услуженіе вольныхъ людей безъ письменнаго обязательства; въ противномъ случаѣ не давалось суда на такихъ людей, хотя бы они бѣжали, обокравъ своего го-

(о) *Вѣстн. Евр.* 1828, No 4. ст. Г. *Конопле-ва* о сходствѣ между Руск. и Восточ. обыкновеніями. О пронятіи ушей шиломъ у рабовъ для ношенія ушерязей. см. *Исх.* XXI. 5. *Второз.* XIV. 16.

сподина: *не держи безъ кабалы* (p), гласили слова закона, обратившіяся въ поговорку.

Несчастнѣе холопства было состояніе земледѣльцевъ свободныхъ, говоритъ Карамзинъ (q), которые нанимая землю въ помѣстьяхъ или отчинахъ у дворянъ, обязывались работать; они издревле слыли *смердами*, а съ XVI вѣка *крестьянами* въ худомъ смыслѣ сего слова, какъ полагаютъ, превращеннаго Татарами изъ Христіанъ. Слово *смердъ* Дюканжъ производитъ отъ smurt, смерть; homines manus mortuae, люди мертвой руки (r); на смердовъ крѣпостные акты въ Псковѣ въ XVI вѣкѣ назывались *мертвыми грамотами*. Лишеніе свободы почиталось гражданскою смертію. Понятіе о смердахъ, по мнѣнію Г. Каченовскаго, пришло въ Россію изъ земли Вендовъ, покоренной Нѣмцами, которые имя Славянинъ обрати-

(p) Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Росс. Государствѣ народовъ. ч. 3. С. П. 1799. 4.

(q) *Карамз.* И. Г. Р. VII. стр. 214.

(r) Die todte Hand, имя вѣчныхъ владѣній и владѣтелей, въ отношеніи только къ недвижимому имѣнію.

ли по созвучію въ sklave, рабъ; отъ языка Люненбургскихъ Вендовъ сохранилось и слово smardi, крестьянство, которое у Германцевъ называлось smurdi, какъ бы соотвѣтственное Рускому *смурые* по смурому или сѣрому кафтану крестьянъ. О презрѣніи, невѣжествѣ и грубости смердовъ напоминаютъ слѣдующія старыя пословицы: *Гдѣ смердъ думалъ, тамъ Богъ не былъ*— *Смердей взглядъ пуще брани* — *Мѣха не надуть, а смерда не научить.*

Старобытные обычаи и законы предоставляли господину расправу въ домѣ надъ дѣтьми и рабами, а простота и грубость нравовъ оправдывали суровость мѣръ къ обузданію своеволія и безчинства. Старинные хозяева радѣя о благоустройствѣ своего дома, сами за всѣмъ глядѣли, держась пословицы, что *Слуга невѣрный супостатъ господину безмѣрный*, что *Чего не досмотришь, то доплатишь.* В. К. Владиміръ II о себѣ говоритъ дѣтямъ своимъ въ извѣстномъ наставленіи: „Что надлежало сдѣлать ра„бу моему на войнѣ или охотѣ, то я

„самъ дѣлалъ и весь разпорядокъ въ дому „своемъ чинилъ."

Изъ сѣмейныхъ праздниковъ, кромѣ свадьбы, родинъ, крестинъ, почитающся торжественными и радостными: именины, кои праздновались, подобно поминкамъ, по три дни; ибо *добрый именинникъ*, по пословицѣ, *до трехъ дней*. Именинный пирогъ, съ какимъ ходилъ именинникъ къ друзьямъ и роднымъ, и который за обѣдомъ разламывали надъ его головою, вошелъ въ поговорку. Празднованіе именинъ не только строго сохранялось между простолюдинами, но и между Царями и вельможами. Царь Іоаннъ Васильевичь праздновалъ торжественно день своего рожденія въ селѣ Коломенскомъ: „праздникъ творя„ше рожденію своему; тамо бо по вся лѣта „празднованіе (s)." — Въ 1667 году, Царь Алексѣй Михайловичь, въ день своего Ангела, приходилъ съ имениннымъ пирогомъ къ Патріарху и жаловалъ Патріаршихъ бояръ и дьяковъ такими жь пирогами (t).

(s) *Карамзина* И. Г. Р. VIII. пр. 409.

(t) Древняя Росс. Вивліоѳика. VI. стр. 513.

Преподобный Несторъ свидѣтельствуетъ, что у Радимичей, Вятичей и Сѣвера, вмѣсто браковъ, бывали *игрища* межю селы, на коихъ юноши *умыкали* себѣ дѣвъ въ жены. Сіи игрища, напоминающія намъ Римское похищеніе Сабинокъ, сходны, какъ мы видѣли выше, съ Греческими *ὕγρα* и весенними хороводами *на красную горку*, и горѣлками, при коихъ поютъ пѣсню, объясняющую содержаніемъ своимъ древній Сербскій обычай *отмица* (похищеніе дѣвицы) и сказаніе Нестора, именно: *Нашего поля прибыло, а вашего поля убыло.* Хотя сіи повѣрья и взвычаи языческіе сохраняются донынѣ, какъ забавы; но изконное объ нихъ воспоминаніе осталось въ употребительной поговоркѣ *играть свадьбу* и въ нѣкоторыхъ свадебныхъ обрядахъ, кои столь многочисленны и по мѣсту, времени и лицамъ и столь разнообразны, что требуютъ особаго описанія, а пѣсни достойны замѣчанія по содержанію и стихотворному облику своему. Сей торжественный для Рускаго обрядъ соединенъ съ многими примѣтами, приговорками и пиршествами; дѣло, ула-

женное свашами или свахами, начинается по старой поговоркѣ, *веселымъ пиркомъ, да и за свадебку*. Пиры же сіи въ Костромской Губерніи: *пропой*, *гостинцы*, *сговоръ на канунѣ брака*, а въ другихъ мѣстахъ дѣвишникъ, на коемъ невѣста, закрытая вся фатою, причитаетъ, какъ напр. было въ Шенкурскѣ: „Родимой ты „мой батюшка! женихъ-то мой не воево„да Важскій, не управитель Шенкурскій, „не торговый гость Верховажскій! За ко„го-то меня, родимый, выдаешь" и пр. Но нигдѣ столько невѣста не поносима бываетъ, какъ въ Торопцѣ, гдѣ на дѣвишникѣ поютъ: „Намъ чильбы Василисчишка во „трехъ шубахъ, ажно она беременна, ты „несешь ли люлечку, ты ведешь ли нянеч„ку и пр. (u). Въ Нерехтѣ, по свидѣтельству М. Я. Діева, невѣста-сирота за день до брака съ подругами ночью ходитъ на кладбище прощаться съ родителями; тамъ помолясь и поклонясь на могилкахъ, она приговариваетъ: *Родимыя батюшка и матушка, не надо ни злата, ни серебра*,

(u) Абевега Руск. суевѣрій. М. 1786. 8.

прошу родительскаго благословенія. Новобрачный обыкновенно называется *Княземъ*, новобрачная *Княгинею*, а столъ въ первый день брака *Княжимъ*. Свадебное пированье продолжается три дни; но иногда и болѣе; ибо *Добрая свадьба недѣлю.* Обычай разувать женѣ мужа, какому не хотѣла послѣдовать Полоцкая Княжна Рогвольда, существовалъ въ Москвѣ при Олеаріи и Герберштейнѣ; что видно изъ путешествій того и другаго: это было свидѣтельствомъ покорности жены, такъ какъ и плетка, коею онъ ударялъ ее при разуваніи, знакомъ его владычествованія надъ своею помощницею. Въ бо́льшей части Костромской Губерніи между простолюдинами въ первый день свадьбы въ подклетѣ молодая снимаетъ съ молодаго сапоги, въ кои онъ кладетъ деньги. И донынѣ еще у новобрачной заплетаютъ волосы въ двѣ косы, а въ Нерехтѣ подавая ей кокошникъ, приговариваютъ: *Вотъ тебѣ кокуй, съ нимъ и ликуй!* Какъ у древнихъ Римлянъ при торжественномъ бракосочетаніи (confarreatio) брачующіеся

вкушали хлѣбъ (panis farreus, far), испеченный изъ муки, соли, воды и меда (v); шакъ и у Рускихъ свадебнымъ хлѣбомъ былъ *коровай*, пригошовляемый на яицахъ и маслѣ изъ пшеничной и крупичатой муки и видомъ похожій на грѣшневикъ. Иносказательно въ просшорѣчіи коровай говоришся, вмѣсшо свадьбы и чужей жены: *На чужой коровай ротъ не раззѣвай, а свой затѣвай!* Въ Вельской округѣ шещи дѣлаюшъ *сыръ въ почесть зятю*, кошорый приносяшъ въ Пешровъ день съ поклономъ на первой и на вшорой годъ бракосочешанія. Зяшь приглашаешъ въ эшошъ праздникъ госшей сыру кушашь. Нѣкошорыя даже приносяшъ сіе явсшвіе въ церковь и послѣ молебсшвія даряшъ оное. Въ Кинешемскомъ уѣздѣ доселѣ ведешся обычай между просшолюдьемъ, на вшорой недѣлѣ Великаго Посша въ Суббошу, зяшьямъ угощашь шесшей киселемъ, кошорый привозишся шогда на ярмарку въ шробахъ: эша Суббоша слывешъ *обжорною*.

(v) Сокращеніе Богослуженія древнихъ Римлянъ, соч. *И. Рижскаго*. М. 1784. 8.

Какъ погребеніе, такъ и поминовеніе искони у Рускихъ считалось священною обязанностію: кромѣ церковныхъ, оно у простолюдья сопровождается особыми обрядами и *причитаньями*, въ коихъ выражаются достоинства покойника и прискорбныя чувствія о потерѣ его. *Коли живы родители*, гласитъ наша пословица, *то ихъ почитай*, *коли умрутъ*, *поминай*. Не смотря на измѣненіе народныхъ обычаевъ, поминовенія родителей доселѣ исправляются и въ городахъ и въ селеніяхъ: послѣ погребенія зовутъ провожавшихъ покойника на трапезу, которая начинается кутьею и блинами, а оканчивается киселемъ съ сытою, и послѣ сего при возглашеніи вѣчной памяти покойнику, пьютъ медъ или пиво, сыченое медомъ, который у древнихъ Грековъ былъ символомъ смерти (w); что совершается въ третины, девятины, полусорочины и сорочины (x), въ полугодовщину и годовщину. *Покой-*

(w) *Porphyrii* de antro Nymphae.
(x) *Сорокоустъ* отъ Греческаго Σαρακοστή, сорокодневное поминовеніе. см. Ducangii Gloss. Graec.

никъ, говорятъ, *у воротъ не стоитъ, а свое возметъ*. О заупокойныхъ пирахъ, какіе давались Князьями и боярами въ монастыряхъ, пишетъ слѣдующее въ посланіи своемъ Митрополитъ Іоаннъ въ XI вѣкѣ: „О горе вамъ, иже въ мо„настырѣхъ часто пиры творятъ, сзы„ваютъ мужа вкупѣ и жены, и въ тѣхъ „пирѣхъ другъ другу преспѣваютъ, кто „лучше творитъ пиръ." — Въ Кіевскомъ Лѣтописцѣ значится, что „Сентября 24 „пріѣхаша въ монастырь В. К. Рюрикъ, „Киръ Василей съ Княгинею и съ сыномъ „Ростиславомъ и Володиміромъ и съ дще„рію Предславою и съ снохою Ростислав„лею, и постави кутью у Св. Михаила... „и сотвори пиръ немалъ и накорми игу„мены и калугеры, и возвеселись духовно „о пришедшей въ дѣло таково царской „мысли его." (у) — Въ родительскія Субботы, въ Семикъ и Радуницу родительскія могилы у простолюдиновъ обращаются въ любительныя трапезы, кои раздѣ-

(у) *Карамз.* И. Г. Р. III. 2 изд. въ примѣч. стр. 105.

ляютъ и нищіе. Въ *Радуницу*, или *Навей вторникъ* на Ѳоминой недѣлѣ почтительные потомки ходятъ на кладбища хрістосоваться съ усопшими предками и, подобно Грекамъ и Римлянамъ, кладутъ яицы на могилы (a). Объ установленной В. К. Димитріемъ Субботѣ между 18 и 26 числъ Октября, въ память воиновъ православныхъ, положившихъ животъ на Куликовской битвѣ 1380 г., гласитъ и простая поговорка: *Не всегда поповымъ ребятамъ Дмитріева Суббота* (b). По старому новѣрью, время между Казанскою осеннею и Дмитріевымъ днемъ почитается несчастнымъ для свадебъ, такъ равно въ Маѣ не женятся и не выходятъ за мужъ, *чтобы не маяться*. Въ весеннее и осеннее поминовенія родителей у Руских, подобно какъ у Римлянъ въ ихъ весеннія Lemuria и осеннія Parentalia (родительскія), почитались неблагопріятными для бракосочетанія. Послѣднимъ

(z) *Luciani* dial. mort. l. I. ὠὸν ἐκ καθαρσίου, очистительное яице. *Juvenal*. sat. V. 84. Sed tibi dimidio constrictus cammarus ovo Ponitur, exigua feralis coena patella.

(a) *Карам*. И. Г. Р. 2 изд. V. стр. 14, прим. 83.

Московскимъ моромъ кончился благочестивый и человѣколюбивый обычай, издревле существовавшій въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ Россіи — погребать въ Семикъ тѣла самоубійцъ, казненныхъ, утопшихъ и замерзшихъ, кои на Убогомъ Дому во всю зиму лежали неотпѣтыя и непогребенныя. Избранный же отъ всего города нищій, извѣстный своею честностью и набожностію, назывался въ Костромской Губерніи *Божедомомъ*, а въ Вологодской *Божатымъ*; онъ сбиралъ по домамъ деньги для погребенія и поминовенія мертвыхъ, кои находились подъ его смотрѣніемъ, и жилъ одинокій при тѣлахъ: отъ чего и поговорка въ Костромской и другихъ Губерніяхъ объ одинокомъ человѣкѣ: *живетъ одинъ какъ божедомъ*. При Убогихъ Домахъ иногда воспитывались подкидыши, за коими имѣлъ хожденіе тотъ же божедомъ и изъ коихъ бездѣтные супруги брали вмѣсто дѣтей и называли ихъ *богодаными*; — и первый Воспитательный домъ основанъ былъ Петромъ I въ Москвѣ, при Андреевскомъ монастырѣ, гдѣ изстари былъ Убогій

домъ (b). На Старообрядческомъ Рогожскомъ кладбищѣ, находящемся близъ Покровскаго монастыря на скудельняхъ, и доселѣ принимаются и воспитываются подкидыши. И такъ, въ Россіи Воспитательные домы произошли отъ Скудельницъ, гдѣ несчастное рожденіе и несчастная смерть покрывались Христіанскимъ милосердіемъ; *живой* оставался *не безъ мѣста*, *а мертвый не безъ могилы*.

У Грековъ *соль* была священнымъ залогомъ гостепріимства (g), такъ какъ *хлѣбъ соль* у Славяно-Руссовъ и теперь

(b) Въ Галичѣ Кн. Георгій Дмитріевичь устроилъ кладбище для погребенія странныхъ. Кладбища въ Псковѣ въ XVI в. назывались *Бужми*, гдѣ въ 1552 г. во время мора погребено 25 тыс., не считая при церквахъ и другихъ мѣстахъ. См. Труды Общ. Ист. и Др. Росс. ч. 3, от. XIX

(c) Древніе почитали соль за нѣчто священное и Гомеръ посему называетъ ее *θεῖον ἅλα* (божественною солью), а другіе Греч. писатели *ἱεροὺς ἅλας*, священными солями. Соль употребляли они, какъ очистительное средство и прежде всѣхъ кушаньевъ поставляли оную предъ гостемъ и странникомъ. У Римлянъ она была въ такомъ же уваженіи и вмѣстѣ съ хлѣбомъ, какъ выше замѣтили, составляла главное кушанье.

у Словаковъ (Chleb ze solu), изкони славившихся сею патріархальною добродѣтелью, о коей напоминаетъ и самое имя *Радегоста*, *Радигаста*, божества Оботритовъ, Моравцевъ и другихъ Славянскихъ племенъ; ему нѣкогда принесена была въ жертву голова Епископа Мекленбургскаго Іоанна, покушавшагося обратить Славянъ язычниковъ въ Хрістіанство (d). У Восточныхъ жителей соль (завѣтъ соли вѣчныя) была знаменіемъ ненарушимой вѣрности и твердости союза (e) не только между господиномъ и слугами, но и между хозяиномъ и гостями или странниками, которые раздѣляли съ нимъ трапезу въ силу священнаго устава гостепріимства. Такъ правители областей Заевфратскихъ писали къ Артаксерксу: „Мы помнимъ соль, которую вкушали

(d) Радгосту, истребленному въ Моравіи Кvріломъ и Меѳодіемъ, поклонялись на горѣ Гостинѣ. Mythologie der alt. Teutsch. u. Slaven, von A. Tkany. Znaim. 1827. 2. T. Chronica Slavorum *Helmoldi* Buzov, Francof. MDLXXXI. f.

(e) Dissertations sur les antiquités de Russie, par *M. Guthrie*. à S. P. 1795. — Кн. *Числъ*, XVIII 19.

„въ чертогахъ твоихъ (f).“ Арабскіе разбойники въ знакъ присяги ѣли хлѣбъ съ солью. Гелмольдъ описываетъ гостепріимство Оботритскихъ Славянъ словами Епіскопа Геролда, который увѣряетъ, „что онъ и „опытомъ извѣдалъ справедливость слуха, „что нѣтъ народа гостепріимнѣе, какъ „Славяне, которые къ принятію стран„ныхъ столь готовы всѣ единодушно, что „не надобно и просить у нихъ приема; „ибо что они ни добываютъ земледѣліемъ, „рыболовствомъ и звѣроловствомъ, все рас„точаютъ на угощеніе странныхъ. Та„кая щедрость доводитъ ихъ до крайно„сти воровать и разбойничать. По ихъ „закону: *что ночью добудешь, то на утро „раздѣлишь странникамъ.*“ Сіе подтверждается и Маврикіемъ. Гванини свидѣтельствуетъ, что Псковичи при вступленіи Москвичей въ Псковъ, каждый предъ своимъ домомъ поставили на столахъ хлѣбъ-соль; ибо въ Москвѣ хлѣбомъ означалась ласка, а солью милость.“ Они тѣмъ умилостивили грознаго Іоанна, который уничтожилъ

(f) T. Esdr. IV. 14.

Псковскую Старину. Кнапскій (Ad. 60) говоритъ, что „хлѣбъ у Рускихъ служитъ символомъ дружбы: прошу хлѣба (соли) кушать; я у него хлѣбъ ѣлъ: слова сіи „у разбойниковъ въ Россіи свято хранятся; „ибо они тѣхъ оставляютъ невредимыми, у „кого хлѣбъ соль ѣли (g)." Хлѣбосольство у Рускихъ связывало и поддерживало между соотечественниками, сосѣдями и родными совѣтъ и любовь. *хлѣбъ соль*, говаривали они, *взаимное, отплатное дѣло*—*Хлѣбъ-соль не бранитъ* — *Кинь калачъ* (хлѣбъ-соль) *на лѣсъ, пойдешь, найдешь.* Основывалось же хлѣбосольство не на похлѣбствѣ и пристрастіи, а на общеніи душевномъ и прямодушіи, такъ что *Хлѣбъ-соль кушай, а добрыхъ людей слушай*, или *Хлѣбъ - соль ѣшь, а правду какъ рѣжь.* Такъ какъ признательность предполагаетъ въ человѣкѣ чувствительность, праводушіе и честность: посему она и поставлялась выше благотворенія: *Спасибо тому, кто поитъ да кормитъ,*

(g) Slownik Iezyka Polskiego p. *S. D. Linde.* t. 1. Warsch. 1804. 4.

а вдвое тому, кто хлѣбъ - соль помнитъ. Хлѣбосольствомъ славились и даже донынѣ славятся не только частные домы, но и многія св. обители; въ однихъ охотно принимались и угощались пріѣзжіе, а въ другихъ давалась пища и пристанище странникамъ, особливо въ праздники. Въ Стоглавѣ, гл. 52. о Троицкой Лаврѣ сказано, что въ ней „гости „безпрестанные день и ночь.“ Отъ сего то человѣколюбиваго и благочестиваго обычая произошла доселѣ сбыточная только въ нашемъ отечествѣ поговорка: *На Руси еще отъ голода никто не умиралъ* — въ томъ смыслѣ, что и бѣднѣйшій всегда получалъ посильную помощь отъ бѣднаго и богатаго, раздѣляя скудную пищу перваго и питаясь отъ избытковъ послѣдняго. Доброхотство соотчичей совокупными силами помогало убогому, такъ что *съ міру по ниткѣ голому рубаха.* И теперь еще поселяне, живущіе вдали отъ столицъ, за грѣхъ себѣ считаютъ брать деньги съ прохожихъ и проѣзжихъ за хлѣбъ, соль и по-

стой, вмѣняя себѣ въ священную обязанность угостить странника *чѣмъ Богъ послалъ*, или *чѣмъ богати, тѣмъ и ради;* ибо, по ихъ мнѣнію, кто за хлѣбъ-соль и ночлегъ беретъ съ страннаго, у того *спорыньи въ домѣ не будетъ*. Владиміръ Мономахъ учитъ дѣтей своихъ: „И болѣ „же чтите гость, откуду же къ вамъ „придетъ, или простъ, или добръ, иль солъ „(посолъ), аще не можете даромъ, — брат„номъ и питьемъ; ти бо мимоходячи просла„вятъ человѣка по всѣмъ землямъ любо „добрымъ, любо злымъ." Самымъ же обиднымъ упрекомъ въ неблагодарности было слово: *Ты забылъ мою хлѣбъ-соль;* въ такомъ же смыслѣ у древнихъ Грековъ говорилось: *ἅλα καὶ τράπεζαν παραβαίνειν*, т. е. нарушить право соли и трапезы.

Первымъ образцемъ гостепріимства и хлѣбосольства были самые Государи для народа; они въ праздники и при торжественныхъ случаяхъ *поднимали*, какъ говорится, *пиръ на весь міръ, пиръ горою.* Преподобный Несторъ свидѣтельствуетъ, что В. К. Владиміръ: „Творяше людемъ

„своимъ по вся недѣли: оустави на дворѣ „гридьницы пиръ творити.“ О пирахъ сего *внука старого Игоря* сказано въ Макар. Минеи рукоп.„ что „памяти Святыхъ „въ церквахъ творяще пѣнiемъ и молитва„ми, и празднаваше свѣтло праздники Го„сподскiе„ и три трапезы поставляше: пер„вую для Митрополiта съ Епiскопы, съ чер„норизци и с попы„ вторую нищимъ и убо„гимъ„ третью себѣ и бояромъ своимъ.“ Старинная народная пѣсня, помѣщенная при Игоревой п. М. 1800, такъ описываетъ намъ пиршества Владимiровы:

Во славномъ городѣ Кiевѣ,
У Князя у Владимiра,
У Солнышка Святославича,
Было пированiе почетное,
Почетное и похвальное
Про Князей и про бояръ,
Про сильныхъ могучихъ богатырей,
Про всю поляницу удалую и пр.

О гостепрiимствѣ Ярославова двора упоминаютъ многiе иностранные историки (h). Внукъ

(h) Между прочими *Bilmark* Histor. reg. Holmgard. Aboae. 1766, слѣдующее: Iaroslavus aulam suam

Мономаховъ Изяславъ въ 1148 г. далъ Новгородцамъ на городищѣ пиршество, которое раздѣлялъ и самъ съ народомъ. О другомъ обѣдѣ народномъ въ Кіевѣ 1195 г. читаемъ у лѣтописцевъ нашихъ. Церковные и народные праздники во многихъ мѣстахъ Россіи сопровождаются пиршествами и ярмарками или сборами, каковы напр: въ Переславлѣ *Купальница*, въ Саранскомъ *Лада*, въ Звенигородскомъ уѣздахъ *Пятница Берендѣева*, и пр. (i). На сіи пиршества, по большей части трехдневныя, сбираются родные, знакомые и сторонніе, особливо въ селеніяхъ, гдѣ религія и торговля, родство и гостепріимство оправдываютъ вполнѣ старинную поговорку: *На нашей улицѣ праздникъ!* У языческихъ Славянъ, по

---

ita construxit, ut regias eidem magnificentia pares per septentrionem hoc aevo inveniamus omnino paucas. Ad illam proinde principes quilibet adversa fortuna pressi, confluxerunt.

(i) Въ Академ. извѣстіяхъ на 1781 г. ст. о *ярмаркахъ*.—Истор. Геогр. Топогр. и Полит описаніе Переславля Залѣскаго. соч. *П. Плѣшихина*. М. 1802. в.

„свидѣтельству Гельмолда, по совершеніи „жертвоприношеній, народъ предавался пир„шествамъ и веселью, при коихъ обносятъ „круговую чашу съ заклинаніями именемъ бо„говъ (k).“ Въ праздники прекращаются всѣ труды: *День святъ и дѣла спятъ*, а *для чашниковъ и бражниковъ живетъ много праздниковъ*. Въ Шенкурскомъ и Вельскомъ округахъ, къ приходскимъ праздникамъ, подобно другимъ мѣстамъ, варятъ пиво, называемое *кануномъ*, и готовятъ много разнаго кушанья; за столомъ, къ коему приглашаются и знакомые и незнакомые, тогда пьютъ круговую братину пива съ приговоромъ: *Празднику честному златъ вѣнецъ, а хозяину доброе здоровье!* Также въ Бѣлоруссіи и Литвѣ ежегодно отправляются праздники въ память построенія церквей приходскихъ, кои имѣя свои пасѣки (пчельники), варятъ съ хмѣлемъ и разными кореньями медъ, который и продается въ день праздника посе-

---

(k) Chronica Slavorum, s. Annales *Helmoldi* Presbyteri Buzoviensis. Francof. MDLXXXI.

лянамъ, а вырученныя деньги идутъ въ церковь. Мѣсто, гдѣ продается этотъ напитокъ, называется *кануномъ*. Сіи праздники, подобно другимъ сельскимъ: *дожинкамъ*, *оборкамъ*, *досѣвкамъ*, *толокамъ*, сопровождаются весельями (1). Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ дозволено было свободно народу пировать въ кабакахъ на Святой недѣлѣ и въ Рождество Христово, а въ Пермской Уставной грамотѣ 1555 г. „въ году три недѣли питья варити и пи-„ти: недѣля Великоденная, другая въ осень „Дмитріевская; третья въ зимѣ Роже-„ственская (m).“

Хотя Руская пословица и говоритъ, что *Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ*, но другая свидѣтельствуетъ, что *То не спасенье, кто пьянъ въ Воскресенье*. Первая пословица отчасти согласна съ мнѣніемъ Коллинса, что „пьян-„ство у Рускихъ считается за сильнѣй-

---

(1) О народныхъ Рускихъ праздникахъ будетъ предложено мною въ особой книгѣ.

(m) *Карамз.* И. Г. Р. IX. пр. 161.

„шее выраженіе радости." Герберштейнъ, Олеарій, Принцъ Бухавскій, Флетчеръ и другіе путешественники въ Россіи, говорятъ объ извѣстномъ обычаѣ нашихъ предковъ подчивать и даже неволить своихъ гостей до упоенія, которое считалось прямымъ угощеніемъ. *У праздника два невольника* — гласитъ старинная пословица — *одному хочется пить, да не на что купить, а другаго подчиваютъ, да не хочется пить.*

Употребленіе горячихъ напитковъ сколько зазиралось въ молодыхъ людяхъ, столько терпѣлось обычаемъ въ возмужалыхъ и старикахъ, между которыми не почиталось за порокъ подгулять времснемъ, особливо въ пріятельской бесѣдѣ, на пиру, въ праздничный день. *Пей за столомъ*, гласитъ пословица, т. е. при добрыхъ людяхъ, *а не пей за столбомъ*, т. е. тайкомъ. Лѣтописи наши свидѣтельствуютъ, что и самые Великіе Князья на съѣздахъ и торжественныхъ пирахъ имѣли попойки; на одной изъ нихъ въ Исадахъ (и садахъ?)

убiицы были Князья Рязанскiе. В. К. Василiй III, по старой поговоркѣ, *Потерялъ честь хмпълемъ*, проигравъ битву при Суздалѣ; а другая поговорка: *За Пьяною пьяни*, напоминаетъ о пораженiи Татарами и Мордвою Князей Нижегородскихъ, которые исплошились, пьяные съ дружиною своей предавшись веселью на рѣкѣ Пьянѣ. Лѣтописи наши говорятъ о таковыхъ же пиршествахъ Iоанновъ III и IV; а Петрей Шведъ (n) увѣряетъ, будто отправленный къ Карлу IX Московскiй посолъ въ 1608 г. опился въ Штогкольмѣ. Кому не извѣстно наказанiе у Петра I *орломъ* (большимъ кубкомъ), который должно было выпить виноватому). Преданiя и поговорки сохранили воспоминанiе о монастырскихъ *красовулях̆ъ* (o), какiя вкуша-

(n) Historien u. Bericht von dem Großfürstenthums Muschkow durch Petrum Petrejum de Erlesunda. Lipsiae. an. MDCXX. 4.

(o) *Красовуля* происходитъ отъ Греч. *κραβοβόλιον* (*κραβῆ* вино, смѣшенное съ водою) сосудъ съ виномъ. *Ducangii* Gloss. med. et inf. Graecitatis.

лись во дни разрѣшенія вина и елея, *ради братскаго утѣшенія*, какъ сказано въ Уставѣ, и *ради стомаха и частыхъ его недуговъ*. Въ другихъ же обителяхъ запрещалось держать вино, кромѣ Фряжскаго, и крѣпкіе меды, а въ Соловецкомъ монастырѣ пили на трапезѣ и заздравную чашу медвенаго квасу (p). Царь Іоаннъ Васильевичъ пишетъ, что „по всѣмъ мона„стырямъ (Рускимъ) сперва Начальники „уставили крѣпкое житіе; — да бояре „свои любострастные уставы ввели; — у „Троицы подчиваютъ множество, а сами „чувственны (воздержны) пребываютъ“ (q).

На одной серебряной чарѣ, хранящейся въ Моск. Обществѣ Ист. и Древн. Росс., изображена слѣдующая надпись, какія встрѣчаются и на старинныхъ

(p) Рукоп. бумажная Типикъ обители Вседержителевы, сущей Понта Океана Соловецкаго Отока Лавры Преп. и Богон. отецъ нашихъ Зосимы и Савватія, вложенный въ оную 1658 г. Никономъ Патріархомъ, въ 4.

(q) Его посланіе въ Кνрілл. мон. въ IV ч. Исторіи Росс. Іерархіи.

брашинахъ, кубкахъ, стопахъ: „Чару „пить здраву быть; повторить, умъ воз„веселить; утроить, умъ устроить; много „пить, нестройну быть.“ Прежде нежели Рускіе въ XV в. познакомились съ хлѣбнымъ виномъ, которое, по словамъ одного иностраннаго историка, „сдѣлано изъ сердецъ „и языковъ“ (г), они пили крѣпкіе меды ставленые, воронокъ, пиво бархатное, сыченое и брагу; пьянство вообще называли *хмѣлемъ*, на которой довольно есть пословицъ, охуждающихъ и оправдывающихъ оный, какъ видѣли выше. Со временъ Царя Іоанна Васильевича сдѣлались извѣстными кабаки и кружалы для продажи хлѣбнаго вина, кои по урочищамъ и по лицамъ болѣе женскаго пола, получали разныя названія; *Большой Царевъ кабакъ*, оглашаемый въ пѣсняхъ и припоминаемый въ поговоркахъ простонародныхъ, былъ въ Москвѣ на Балчугѣ, у Каменнаго Моста, гдѣ нынѣ казенный винный дворъ; Петровское кружало,

---

(г) Період. сочиненіе о успѣхахъ народ. просвѣщенія, No XXXVI. С. II. стр. 19.

любимое пристанище разбойницы Таньки Ростокинской, и донынѣ слыветъ въ Москвѣ Татьянкою; при выѣздахъ изъ города и у заставъ нѣкоторые называются питейные, или кружечные домы *растанями*, отъ прощанія и разставанія, при коихъ разстающіеся пьютъ на проводахъ. Извѣстно присловье *Адмиральскій часъ*, напоминающее обычай Основателя Россійскаго флота: въ одиннадцать часовъ утра послѣ трудовъ пить водку съ сотрудниками своими не рѣдко въ *Аустеріи* (австеріи и истеріи), какія при немъ основаны въ Москвѣ и С. Петербургѣ (s). Когда въ корчмахъ игрывали въ зернь: тогда говаривали: *Зернь любитъ хмѣль*,

(s) Названіе сіе питейныхъ домовъ производятъ отъ Нѣм. Gasterey; но можно также объяснить и Греч. словомъ *ἱστιητήριον*, вмѣсто *ἑστιατήριον*, triclinium, locus epulationis. По любимому Рускими сближенію и, такъ сказать, подъигрыванію подъ чуждыя слова, производятъ *Истерію* отъ *истерянія*, траты. Въ Москвѣ одна была до 1754 года Аустерія у Куряшныхъ воротъ въ томъ домѣ, гдѣ открытъ Москов. Университетъ, а другая на

а когда вошли карты въ Россію: тогда произошла и пословица: *Карты хмѣль любятъ*. Любя болѣе веселья въ сѣмейномъ кругѣ, предки наши гнушались кружалъ, въ кои воспрещалось ходить болѣе стыдомъ, чѣмъ закономъ.

Фиглярство, фокусы и забавы въ Россіи были извѣстны болѣе подъ названіемъ *скоморошества*, которое вѣроятно перешло изъ Греціи, какъ показываетъ самое слово *σκῶμμα* шутка, забава. — Гванини свидѣтельствуетъ, что *скоморохами* въ Москвѣ именовали вожатыхъ медвѣдей (t). Изъ по-

---

Никольской улицѣ, гдѣ по преданію содержалъ оную. Грекъ Цареградскій. *Истеріею* (или Аустеріею) слыветъ до нынѣ крайній проходъ по Скорнятному ряду отъ Ильинки на Никольскую, гдѣ теперь харчевни и лавки. Въ С.-Петербургѣ, по свидѣт. Голикова (Д. П. I.; II ч.), были учреждены Петромъ I два знатные питейные домы, Австеріи, гдѣ содержались разныхъ сортовъ и вкусовъ водки, порученныя въ смотрѣніе лучшимъ изъ купечества. (р) Стоглавъ. г. 41.

(t) Niedźwiedników w Moskwie *skomorochami zowią*. *Guagn.* 537. „1571 г. поѣхалъ изъ Новагорода

словицъ видно, что скоморохи были плясуны и гудочники, какъ то: *Всякъ пляшетъ, да не какъ скоморохъ*, или *Скоморохъ голосъ на гудкѣ настроить умѣетъ, а житья своего не установитъ*. По древнему обычаю языческому (Еллинскому), на могилахъ при поминкахъ плачь смѣнялся плясками и рукоплесканіями, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Стоглава, гл. 41—44: „Въ Троицкую субботу сходятся „мужи и жены на жальникахъ (мѣстахъ по„гребенія) и плачутся по гробомъ съ вели„кимъ кричаніемъ, и егда начнутъ играть „скоморохи, гудцы и прегудницы, они же „отъ плача преставше, начнутъ скакати и „плясати и въ долони бити на тѣхъ жаль„никахъ.“ Изъ сего заключить можно, что скоморохи такую же должность и въ XVI вѣкѣ исправляли у Рускихъ, какую у Римлянъ при похоронахъ tibicines et fidicines. Не было ли то остатками древней тризны?

„къ Москвѣ Субота и съ скоморохами и мед„вѣдами.“ Арх. Новг. Л. *Карамз*. И. Г. Р. IX. пр. 322.

Ватаги скомороховъ скитались въ Россіи по деревнямъ, опивая и объѣдая простодушныхъ земледѣльцевъ, и даже грабя по дорогамъ (u). Кому не извѣстно, что при Дворѣ Россійскомъ долго находились, по примѣру Европейскихъ дворовъ, шуты и даже изъ значительныхъ особъ; на нихъ есть довольно поговорокъ и пословицъ, на пр: *Шути, да оглядывайся — Шутка не погудка — Шутку шути, а людьми не мути — Шутя, люди медъ пьютъ.*

Время смѣняющее одни обычаи другими, отличало оными разныя епохи бытія Рускаго народа; воспоминаніе о минувшихъ обычаяхъ соединилось съ историческими воспоминаніями, съ нравственностію и просвѣщеніемъ онаго, часто выражаясь въ пословицахъ — своихъ представителяхъ.

---

u) *Карамз.* И. Г. Р. IX. стр. 462. *Прологъ*, Мая 16, нѣкій скомрахъ бѣ.

Характеръ народа, состоящій въ наклонностяхъ и навыкахъ, не что иное есть, какъ особливые признаки, чрезъ кои одинъ народъ отличается отъ другаго; сіи признаки, не только видны въ умственныхъ и нравственныхъ свойствахъ, но и во всей его внѣшности (v). Привычныя дѣйствія суть наружныя черты сей нравственной физіогноміи человѣка и народа. Хотя въ одномъ племени встрѣчаемъ различные нравы частныхъ людей и противорѣчущія одно другому свойства; однако нельзя изъ етаго заключить, чтобы цѣлый народъ не имѣлъ никакого характера и своихъ нравовъ; потому что они въ совокупности составляютъ особенныя и отличительныя свойства, какими разнятся Рускіе древніе и новые отъ другихъ народовъ, такъ что, по мнѣнію нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей, они не похожи на другія Европейскія націи. Сколько

(v) *Въ Пропов. Дамаскина* съ 1775—1782. М. 1783. пропов. V. о поправленіи народнаго характера.

время, мѣсто и подражаніе ни измѣняли самобытность Рускихъ нравовъ; но черты столь сильно въ нихъ проведены природою, что всегда остаются замѣтные слѣды и въ языкѣ и въ поступкахъ, часто выражаясь при разныхъ обстоятельствахъ, коими онѣ вызываются.

Выше сказали мы, что нигдѣ столь явственно не проявляется духъ и характеръ народа, какъ въ его пословицахъ и поговоркахъ: то и здѣсь постараемся вывести хотя нѣкоторыя очерки Рускихъ нравовъ изъ сего живаго источника.

Гдѣ добры въ народѣ нравы, тамъ хранятся и уставы — гласитъ пословица Руская, полагающая твердою основой законамъ нравы; доброта и чистота оныхъ вмѣстѣ съ благоговѣніемъ къ вѣрѣ питаютъ тотъ духъ порядка и подчиненности, который упрочиваетъ общественное и сѣмейственное благоденствіе тѣснѣйшимъ соединеніемъ одного съ другимъ. У древнихъ Римлянъ добрые нравы и уставы предковъ служили источниками законовъ; между прочими добродѣтелями

обожая честь, они почитали ее знаменіемъ нравственнаго бытія народа и союзницею добродѣтели (w).

Источникомъ честности въ словахъ и дѣлахъ — **честь**, какъ сродное человѣку стремленіе удерживать за собою нравственное свое достоинство: она можетъ быть внѣшнею и внутреннею, частною и общею. По различнымъ отношеніямъ человѣка, съ нею соединяются различныя понятія: **честь** у воинственнаго народа заключается въ славѣ, а у торговаго въ довѣренности; честь мущины въ мужествѣ; а у женщины въ цѣломудріи. Какія по времени, мѣсту и лицамъ значенія соединяли Руские съ етимъ словомъ, столь могущественнымъ — они скажутъ намъ своими словами.

Почитая доброе имя главнымъ отличіемъ жизни человѣческой, предки наши

(w) Такой союзъ представляетъ намъ храмъ Honoris et Virtutis, сооруженный Марцелломъ по завоеваніи Сиракузъ. *Cic.* in Verr. IV. 54.

говаривали: *Береги честь съ молода, а здоровье подъ старость. Новгородская честь и Новгородская душа*, такъ равно *Исковское крѣпкое слово* замѣняли клятву и обратились въ поговорку. Сколько у предковъ нашихъ уважалось *честное слово*, какъ залогъ *доброй совѣсти*, то извѣстно изъ преданій, грамотъ, лѣтописей, законовъ и слѣдующихъ пословицъ: *Слово законъ—До слова крѣпись, а давши слово, держись.* Употребительное, вмѣсто увѣренія и божбы, рѣченіе *Право велико слово*, было древнею формулой при рѣшеніи тяжбъ и споровъ. Еще при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ писалось въ записяхъ или заключаемыхъ договорахъ: *А кто не устоитъ, тому да будетъ стыдно*, или *А кто попятится, А буде я не сдержу своего слова, да будетъ мнѣ стыдно.* У Германцевъ, какъ видно изъ Швабскаго и Саксонскаго уложеній, тотъ признаваемъ былъ *безъ чести*, кто не носилъ оружія и не ходилъ на войну. Также у древнихъ Рускихъ честь принималась въ смыслѣ военной славы, заслуги и

благородства. Въ Псковѣ на мечѣ, лежащемъ при гробницѣ Гавріила, начертано: Honorem meum nemini dabo, т. е. чести своей никому не отдамъ (x). Издревле Рускіе добывая славу оружіемъ, утверждали, что *За честь голова гинетъ* и *Честь и слава законно воюющимъ*. Буйтуръ Всеволодъ въ Игор. пѣсни говоритъ о Курчанахъ, что они „ищутъ себѣ чти, „а Князю славѣ" (y). Такъ какъ честь для нихъ была выше всего: то онѣ предпочитали смерть безчестію. „Не посрамимъ землѣ Рускіѣ, взываетъ Святославъ „къ дружинѣ своей, но ляжемъ костьми: „мертвыи бо срама не имамъ." Подобно ему и Псковичи говорили въ отчаянной битвѣ съ Нѣмцами: „Не посрамимъ отецъ „своихъ и дѣдовъ! потягнемъ" и пр. Отеческое правленіе Государей нашихъ опира-

(x) *Карамз.* И. Г. Р. II. пр. 266. Долуга Ходаковскій присвоиваетъ сей мечь Довмонту, а на Гавріиловомъ нѣтъ надписи. — VIII. стр. прим. 145.

(y) И се наша честь и слава. „*Никон. Л.* III. 52. — „Въ смиловствѣ и во чтѣ." *Древн. Вивліов.* I. 121.

ясь на праотеческихъ правилахъ, держало Государство *грозно, чисто и честно*, т. е. крѣпко, ненарушимо, уважительно; ибо они думали, подобно стариннымъ Нѣмецкимъ законодателямъ: *Что грозно, то и честно*, (fest und edel, крѣпко и честно). Въ договорахъ и присягахъ отчины Великаго Князя Московскаго Новгородъ и Псковъ обѣщались *держать* его имя *по старинѣ грозно и честно*, онъ *держати* ихъ *во чти, а не въ соромѣ.* Съ Единодержавія въ Россіи честь подданныхъ заключалась въ Царѣ какъ блюстителѣ оной (z). Когда Турки требовали у Петра I выдачи Князя Д. Кантемира; Царь отвѣтствовалъ: „Потерянное оружіемъ оружі„емъ и возвращается, но нарушеніе даннаго „слова невозвратимо. Отступить отъ „чести то же, что не быть Государемъ." (a) Съ уничтоженіемъ судебныхъ поединковъ, *безчестія*, присуждаемаго закономъ, и вмѣ-

(z) Это выражало у Аглич: loyalty.

(a) Дѣянія знаменитыхъ Полководцевъ и Министровъ Петра Великаго. соч. Д. Бантышъ-Каменскаго. 2 ч. М. 1821. 8.

стѣ съ замѣненіемъ названія *раба вѣрноподданнымъ*, родились въ Россіи поединки своеуправные въ защиту чести, коихъ вредное и законопротивное понятіе перешло изъ Франціи въ XVIII в. Хотя *честь умъ раждаетъ;* но почести недостаточны безъ приличнаго содержанія: *Что наша и честь, коли нечего ѣсть?* Впрочемъ сія пословица, какъ изключеніе, не опровергаетъ общаго мнѣнія народа о чести въ смыслѣ добросовѣстности, добраго имени, славы и заслуги; ибо *Честь*, по другой пословицѣ, *лучше богатства, а чести утрата большая бѣда и честное убожество легче стыда.* Все достойное уваженія и драгоцѣнное называлось честнымъ, на пр: *честные родители, честный человѣкъ, честная дѣвица;* отсюда и честность принимается за нравственное отличіе жизни сѣмейной и гражданской. Такова старинная честь личная и общественная! Сіе слово, происходящее отъ глаголовъ *чтить* и *честить*, означаетъ также и угощеніе, какъ почесть; что видно изъ слѣдующихъ народныхъ мнѣній

Честь приложена (гостю), *а отъ убытку Богъ избавилъ*, или *Честь честью, а дѣло дѣломъ.* Лѣтописецъ нашъ изображая угощеніе, сдѣланное Батыемъ Князю Галицкому Даніилу, говоритъ пословицей: „*О злѣе зла честь Татарская!*" (b).

Если честь влечетъ насъ въ величію, благородству, самоуваженію и добросовѣстности: то она должна быть неразлучна *отъ почтенія* къ святынѣ, родству, старшинству и начальству; такое почтеніе основывалось на древнемъ обычаѣ праотеческомъ и вмѣстѣ на ученіи св. вѣры, какъ выше мы замѣтили; и что устроилось внушеніемъ природы, то введено въ обычай употребленіемъ, укрѣплено закономъ и освящено давностію. Начатое правленіемъ довершается вѣрою и просвѣщеніемъ, кои однѣ могутъ водворить взаимную довѣренность между согражданами — утвердить добросовѣстность и вести къ изящному соединенію истины съ благомъ въ жизни гражданской и сѣмейной.

(b) *Карамз.* И. Г. Р. IV. пр. 45.

Угрозою совѣсти и общаго мнѣнія у Руских бывалъ стыдъ, который ставился выше казни и принимаемъ былъ не только въ смыслѣ срама и безчестія, но и добросовѣстности и цѣломудрія. Въ послѣднемъ случаѣ стыдъ не раздѣленъ отъ благочестія; ибо *въ комъ есть стыдъ, въ томъ и совѣсть* — *Въ томъ и Богъ, въ комъ есть стыдъ*; *но въ комъ ни стыда, ни совѣсти*, или *Кто ни Бога не боится, ни людей не стыдится*, тотъ считался пропащимъ человѣкомъ. Безстыдство, какъ презрительное безчестіе, изображается также въ слѣдующихъ пословицахъ: *Стыдъ не дымъ, глазъ не выѣстъ* — *Убей* (Отними) *Богъ стыдъ, все пойдетъ хорошо* — *Стыдъ подъ каблукъ, а совѣсть подъ подошву*, и т. д. Какъ нѣкогда у древнихъ Римлянъ стыдъ (pudor) употреблялся въ въ значеніи наказанія (poena) и признанія въ винѣ (c), такъ у Руских страхъ стыда дѣйствовалъ надъ простыми и добрыми сердцами сильнѣе, чѣмъ страхъ наказанія; почему и называютъ они *стыдъ смертію;*

(c) На пр: у *Плавта*, Mostel. 3. 4.

ибо осшыдишь или осрамишь человѣка въ дурномъ дѣлѣ предъ добрыми людьми шо же, по мнѣнію Рускаго народа, что *голову снять*. Въ Волынской Лѣшописи говоришся, что „Кондрашъ въземъ срамъ великъ, лѣпше бы „не живъ былъ“ (d). Подобно Рускимъ, у Нѣмцевъ издревле вкоренилось поняшіе о чесши и безчесшіи, и шошъ почишался несчасшнымъ, кшо наказанъ былъ лишеніемъ чесши, шакъ что древнія законоположенія различныхъ Германскихъ народовъ и права̀ обычаевъ въ среднія времена доказываюшъ справедливосшь сшарой Нѣмецкой пословицы: Es ist besser zehen bey Ehren erhalten, als einen einzigen zum Schelmen machen, ш. е. „лучше десяшерымъ осшавишь чесшь, нежели одного обезчесшишь, ошельмоващь“ (e). Пешръ I посшановилъ закономъ шельмовашь. Съ его времени Нѣмецкое слово шельма, обрашившееся въ брань, получило право граждансшва въ Рускомъ словѣ (f).

(d) *Карамз.* И. Г. Р. IV.

(e) *Pistorii* thesaur. paraem. p. 332.

(f) Генерал. Регламенша 53. гл. Наказъ Екашерины II.

Стыдъ и стыдливость вмѣстѣ съ смиреніемъ почитались драгоцѣннымъ украшеніемъ юношества обоего пола и душею супружеской жизни. *Смиренье*, по пословицѣ, *дѣвичье ожерелье* и *Смиренье молодицу ожерелье.* Выше мы замѣтили, что уставы предковъ и затворы теремовъ охраняли *стыдъ дѣвичій*, который, по старинному предубѣжденію, былъ *до порога.* Герберштейнъ, въ XVI вѣкѣ, увѣряетъ, будто у предковъ нашихъ „вся честь женщины, особливо дѣвицы, поставлялась въ „томъ, чтобы имъ не быть видимыми отъ „постороннихъ людей и что женщина или „дѣвица невозвратно теряла доброе имя, „если ее видѣлъ какой нибудь посторонній мущина, кромѣ отца и матери, да „близкихъ родныхъ.“ Обычай, и суевѣрное мнѣніе, что лихой, нечистой глазъ можетъ изурочить, сглазить красныхъ дѣвицъ, держало ихъ, подобно сокровищамъ, въ таинственномъ уединеніи и произвело пословицу: *Видѣна дѣвка мѣдяна, а невидѣна золотая.*

За тремя, какъ говорится, *порогами* живши дѣвицы, изъ терема своего черезъ церковь переходили въ домъ мужа, избраннаго волею Божьею и родительскою на *всю его волю*. Таковы были нравы до XVII вѣка, когда власть мужа надъ женою отчасти соотвѣтствовала власти Царя надъ подданными; и утверждалась уставами Церкви, именно Потребникомъ: „Жену свою люби, „и наказывай почасту; аще ли не слушати „начнешь, и ты жезломъ наказывай полег„ку" (g). Какъ Татарское владычество, о коемъ напоминаютъ намъ и мѣста: *дѣвичьи поля* и *бабьи городки*, вмѣстѣ съ пословицами и преданіями, такъ равно и сближеніе съ Нѣмецкими нравами могло измѣнить судьбу женскаго пола, измѣняя древніе обычаи и нравы, а вмѣстѣ съ ними и нравственность народную. Но съ XVII вѣка, когда стали вводиться Рускими Государями Нѣмецкіе обычаи: тогда для одного священ-

(g) Потребникъ, 1652. М. листъ 177. По чиноположенію, жениху давался *золотой*, а невѣстѣ *желѣзной* перстень; вѣроятно, одинъ означалъ солнце, а другой оплодотворяемую имъ землю.

наго гостепріимства нарушался сей обычай Востока и тогда, по сказанію Петрея (h), иногда жена съ дочерьми подносила гостямъ, по приказанію своего мужа, чару водки, или кружку пива и меду. Олеарій вмѣстѣ съ Корбомъ увѣряетъ, что жена не только должна была подносить напитки, но и поцѣловать почетнаго гостя. Сіе отступленіе отъ стариннаго обычая ревности извиняется и присловіемъ, вѣроятно, относившимся къ етому нововведенію: *Поцѣлуй въ пазуху не лезетъ.*

Нарушеніе жь женскаго стыда и цѣломудрія считалось величайшимъ преступленіемъ, позоромъ и соромомъ. Рязанская Княгиня Евпраксія, по убіеніи супруга своего Батыемъ, *заразилась* (убилась), свергнувшись съ высокаго терема для избѣжанія насилія варвара, ею плѣненнаго; Владимірская Княгиня Агаѳія съ дочерью и снохою предпочли лучше сгорѣть въ Успенскомъ Соборѣ (i),

(h) Historien u. Bericht von dem Großfürstenthums Muschkow, durch P. Petrejum de Erlesunda. Lipsiae. 1620. 4.

(i) *Карамз.* И. Г. Р. III. стр. 283.

нежели предать себя на поруганіе Татаръ. И 1812 года двѣ дочери Священника Марка въ Москвѣ бросились въ рѣку отъ преслѣдованія враговъ, покушавшихся на ихъ непорочность (k). Рускіе согласно съ древними Римлянами и Германцами думали, что женщина съ утратою чести своей все теряетъ и, по скользкому наклону порока, можетъ отважиться на всякое преступленіе и между прочимъ особенно на колдовство, т. е. на изводъ постылыхъ себѣ мужей и привораживаніе милыхъ (l). Одни говорили, что прежде нежели женщина предастся распутству: *научись колдовать*; другіе, что Nulla adultera, non eadem est venefica, (m) т. е. что прелюбодѣйка, то и колдунья; а послѣдніе, что Junge Huren, alte Wettermacherinnen, т. е. молодыя распутницы бываютъ въ

(k) При церкви С. Софіи, въ среднихъ садовникахъ; несчастныя, но мужественныя дочери его Евдокія и Екатерина погребены на Калетниническомъ кладбищѣ.

(l) Ето назыв. въ народѣ *любжею*.

(m) *Quinctil.* V. 11. 9.

старости колдуньями (n). Изъ посланія Фотія Митрополита 1410 г. запрещается при„нимать *лихихъ бабъ съ узлами*, ни при„моленія, ни вороженія." А изъ посланія Игумена Елеазарова монастыря Памфила „въ XV в. видно, что жены на Ивановъ „день (23 Іюня) копали дивіи коренья на „потворенія мужемъ своимъ." Въ Архив. Ростов. Лѣтоп. л. 569 значится, что „В. К. Іоаннъ положилъ опалу на жену свою „Софью о томъ, что къ ней приходили „бабы съ зеліемъ." Въ Лѣтописяхъ встрѣчаются и другіе сему примѣры, а въ народѣ повѣрья о вѣдьмахъ и пр.

Къ особенностямъ народа Рускаго принадлежитъ обыкновенное сквернословіе, обратившееся въ поговорки; объ немъ Митрополитъ Фотій въ посланіи своемъ 1410 г. говоритъ слѣдующее: „Учите своихъ дѣ„тей духовныхъ, чтобы престали отъ „скверныхъ словесъ, что лаютъ отцевымъ и „материнымъ." Но едвали справедливы тѣ

(n) D. J. F. Eisenharts Grundsätze der deutschen Rechte in Sprichwörtern. 3. Aufl. Leipz. 1823. 8.

иностранные писатели, которые относятъ къ развращенію нравовъ извѣстныя бранныя слова̀ Рускаго народа, по видимому, противныя цѣломудрію; онѣ скорѣе могутъ быть приписаны грубости и невѣжеству, такъ равно и презрѣнію къ распутству. Простолюдины прямо называютъ пороки настоящимъ ихъ именемъ, не прикрывая обоюдностями. Это доказываетъ справедливость мнѣнія, что чѣмъ обнаженнѣе языкъ, тѣмъ цѣломудреннѣе народъ и обратно.

Съ любовію къ сѣмейной жизни соединена *любовь къ родинѣ* и *къ отечеству*, которая привязываетъ насъ къ своей землѣ, питаетъ въ насъ благоговѣніе къ отечественнымъ законамъ, обычаямъ и нравамъ, представляя намъ сограждань братьями, а отечество общею матерью, коей мы должны быть преданы безусловно. Въ этомъ чувствѣ, источникѣ гражданскихъ добродѣтелей, заключаются сладкія воспоминанія о колыбели и умилительная мысль о могилѣ на отечественной землѣ, гдѣ кости дѣтей соединялись бы съ костями родителей.

Римляне боготворили любовь къ отечеству; Руские освятили сліяніемъ оной съ благочестіемъ къ Вѣрѣ и съ преданностію къ законной надъ собою власти. Въ Татарскій разгромъ, при неувѣренности въ собственности своей и при переходахъ крестьянъ съ одной земли на другую, могла произойти космополитическая пословица: *Хоть въ Ордѣ, да въ добрѣ*, соотвѣтствующая другой, похожей на Латинскую, *Всякая страна человѣку отечество*, ubi bene, ibi patria, т. е. „гдѣ хорошо, тамъ и отечество." Хотя иноплеменное иго отчасти и подавляло въ Руских сіе чувствованіе, столь сродное ихъ сердцу; но не могло совершенно изстребить — оно скрывалось въ груди ихъ до того времени, какъ они стали свободнѣе дышать на родной землѣ.

Постоянная мысль вмѣстѣ съ словомъ любовь къ отечеству сильнѣе развилась у Руских тогда, когда они свергнули съ себя чуждое иго, когда Единодержавіемъ, послѣ Новгородскихъ и Псковскихъ переселеній, скрѣпились части раздѣленной Россіи въ одно тѣло и когда уничтожились срочные пере-

ходы поселянъ съ одной владѣльческой земли на другую. Вмѣстѣ съ осѣдлостію, которая слита съ драгоцѣннымъ сердцу человѣческому правомъ собственности, вѣроятно произошли пословицы: *Съ родительской земли, умри, да не сходи*, или *Донъ, Донъ; а лучше домъ*, также *Гдѣ сосна взросла, тамъ она и красна*. Сколько жертвъ, принесенныхъ Рускими, оправдываютъ ихъ любовь къ отечеству, которое у нихъ заключалось по вѣрѣ въ благоговѣніи къ святынѣ отечественной, по преданности законной власти, въ любви къ Царю, а по привязанности къ кровной, въ уваженіи къ могиламъ родительскимъ! Тотъ хорошо зналъ народъ нашъ, кто назвалъ его *Царелюбивымъ*. Руские наименовали В. К. Іоанна Даниловича за радѣніе его о Государствѣ *собирателемъ земли Руской*, К. Михаила Тверскаго *отечестволюбцемъ* (о), а Скопина-Шуйскаго *отцемъ отечества*. Грамоты Келаря Палицына суть живые глаголы любви къ отчизнѣ. Когда Петръ I, по свидѣтельству Ѳеофана

(о) *Карамз.* И. Г. Р. IV. прим. 239 и 519.

Прокоповича, увѣщевалъ воиновъ своихъ постоять за отечество противъ многочисленнаго воинства Шведскаго, подъ предводительствомъ Карла XII., вступившаго на землю Рускую: тогда „единъ всѣхъ „былъ голосъ: Готовы за тебя, Госу„дарь, готовы за отечество! мы до крове „служители твои: или Рускими сынами „намъ быть, или живымъ не быти намъ.“

Тогда какъ вѣра все относила къ Промыслу Творца — мимо оной перешедшее изъ отдаленнаго язычества мнѣніе о рокѣ, или судьбѣ дѣйствовало на душу простолюдина. Изъ сихъ различныхъ источниковъ проистекли и противоположныя пословицы. Такъ по вѣрѣ мужъ называется *закономъ*, а по року *суженой*, котораго *и на конѣ не объѣдешь*. См. стр. 31.

Вѣрованіе въ судьбу, какъ слѣпую и безусловную необходимость въ мірѣ, часто производила въ духѣ Руского изступленіе и ту рѣшимость, съ какою онъ поступаетъ въ предпріятіяхъ своихъ: *Бойся не бойся, а року не миновать* — *Или панъ, или пропалъ* — *или сѣна клокъ, или вилы въ бокъ* —

или въ стремя ногой, *или въ пень головой—или корень вонъ*, *или полонъ дворъ — Двухъ смертей не бывать*, *а одной не миновать*. Изъ такого фатализма происшекали неустрашимость и отвага, а иногда и слѣпая невнимательность къ опасностямъ и беззаботность о будущемъ: *Семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ*, или *смерть копейка*, *голова нажитое дѣло и все бездѣля*, также *День мой и вѣкъ мой*, или *Хотя на часъ*, *да вскачь* и пр. „Руской народъ, замѣчаетъ Гр. Ростопчинъ о 1812 г., имѣетъ въ нравственной „и физической силѣ своей увѣренность въ „успѣхѣ — не вѣдаетъ ни препятствій, „ни опасностей; онъ говоритъ: *Все возможно; для чегожъ не такъ? дважды „не умираютъ* — и съ сими словами „предпринимаетъ все, падаетъ, или успѣваетъ (р).“

Допуская по сему скорѣе предопредѣленіе, нежели стараясь сообразить и расчислить, Рускій идетъ смѣло въ огонь и воду,

---

(р) Правда о пожарѣ Москвы, соч. *Графа Ѳ. Ростопчина*. М. 1823. 12.

безстрашно взбирается на высоты и спускается въ глубины, идетъ прямо на смерть съ увѣренностію, что если погибнетъ: то ему *на роду такъ написано*, а *чему быть, того не миновать* (q). Въ моровое повѣтріе, случившееся въ Костромѣ 1654 года, столь было много мертвыхъ и зараженныхъ, что сдѣлавшіеся жертвою смерти валялись по улицамъ безъ погребенія, а почувствовавшіе въ себѣ признаки заразы, съ лучшимъ имѣніемъ тащились въ церковь, гдѣ исповѣдавшись и причастившись, шли добровольно въ Убогій Домъ и тамъ въ ожиданіи кончины своей, ложились надъ ямою, въ коей клались трупы умер-

---

(q) Многіе Брамы Карнатскаго Королевства думаютъ, что у всякаго человѣка судьба его написана на головѣ; и когда спрашиваютъ у нихъ: гдѣ это написано? они отвѣчаютъ, что швы черепа суть буквы сего таинственнаго письма. Memoires de Trevoux, a. 1706, p. 464. Не сходно ли это съ Галлевымъ черепословіемъ (1806 г.), которое похоже на гаданіе Древнихъ по швамъ черепа (Craniomantia)? — У нашего же народа есть повѣрье, что Ангелъ у всякаго на роду пишетъ его судьбу.

шихъ. Съ шакимъ же равнодушіемъ шуда приходили и другіе послѣ нихъ и, если находили предшественниковъ своихъ умершими: що сваливали ихъ въ яму, а сами занимали ихъ мѣсша (г). Гдѣ шеперь въ Москвѣ огороды на берегахъ Яузы близъ Андроньева монасшыря, шамъ, по преданію, во время Московской чумы 1771 г. было поле, на коемъ лежали шысячи очумленныхъ, живые близъ мершвыхъ и умиравшихъ. Тогдаже колодники, назначенные Правишельсшвомъ для прибиранія и погребенія умершихъ въ чумѣ, почши всѣ осшались живыми, хошя и не упошребляли никакихъ предосшорожносшей; предохраняла ихъ ошъ заразы одна смѣлосшь и презрѣніе смерши при упованіи на промыслъ Божій. *Не сшолько смершей*, говаривали, *сколько скорбей*. Подобные примѣры видѣли мы 1830 г. и въ холерѣ, кошорая ознаменована въ Россіи великодушнымъ самоошверженіемъ въ служеніи человѣчесшву.

(г) Записки М. Я. Діева изъ Нерехшы.

Изъ шакихъ же источниковъ часто происшекаешъ и соединенное съ какимъ-то самоотверженіемъ и презрѣніемъ къ жизни шерпѣніе Рускаго человѣка; роковая необходимость онаго выражаешся слѣдующею поговоркою: *Терпи, голова, въ касти скована!* Одно шолько остается утѣшеніе, что *Отстерпимся и мы люди будемъ*, или *Терпи Козакъ, Атаманъ будешь.* Сія добродѣтель иногда переходила въ упорство и закоснѣніе; бывали примѣры въ судебныхъ испытаніяхъ даже XVIII вѣка въ Россіи, что многіе вытерпливали ужасныя пытки, по три перемѣны, для того только, чтобы *поставить*, какъ говорится, *на своемъ*, или отплатить за мнимую обиду и *себя доказать.* Но это изключенія, какія встрѣтить можно у всѣхъ народовъ. Въ другомъ случаѣ условіями терпѣливости поставлялись добро и покорность воли своей, разуму и вѣрѣ; ибо, по пословицѣ, *Тотъ терпѣливъ быть не можетъ, кто воли своей не переможетъ — Для спасенья нужно терпѣнье — Стерпится, слюбит-*

ся. Терпѣливость же Русскаго доказываютъ и Лѣтописи Татарскаго разгрома, Литовскихъ, Польскихъ, Шведскихъ и Наполеоновыхъ вторженій; она видна въ трудахъ его, съ какими не рѣдко онъ добываетъ себѣ кусокъ хлѣба изъ неблагодарной и упругой земли подъ суровымъ небомъ. Тунеядецъ, дармоѣдъ и міроѣдъ презрительны въ глазахъ Рускаго земледѣльца, который убѣжденъ въ томъ, что *Богъ труды любитъ*, и что *Кто потѣетъ на нивѣ, да молится Богу въ клети, тотъ отъ голоду не умираетъ* (s). Но, какъ *терпя и камень треснетъ (лопнетъ)*: то и Рускій тогда только теряетъ терпѣніе, когда, что называется, за живое его задѣнутъ и когда онъ вполнѣ почувствуетъ нанесенную себѣ обиду несправедливую. Фридрихъ великій сказалъ, что *Рускій терпѣливъ до зачина*.

Вѣрованію въ случайность приписываются беззаботность, удальство, молодечест-

(s) У Ѳ. *Глинки въ письмахъ Руск. Офицера:* Волжскія пословицы. ч. 2. стр. 178—80.

во, бойкость, разгульство и похвальба, кои происходят въ Руском сколько отъ фатализма, столько и отъ характера его, закаленнаго въ разныхъ испытаніяхъ. Большая часть народныхъ гульбищъ могутъ назваться, такъ какъ въ Осташковѣ, *беззаботною площадью* (тамъ жители єбираются гулять и прохлажаться по Воскреснымъ днямъ) Съ какою безпечностью Руские часто предаются судьбѣ своей, съ такою жь разгуливают и размыкивают горе, вѣря старой пословицѣ, что *Здѣсь радость не вѣчна и печаль не безконечна*, или *Сколько ни жить, а обо всемъ не перетужить*. Но такъ какъ *смѣлость* почиталась вдохновеніемъ Божіимъ; ибо *смѣлымъ Богъ владѣетъ; отвага*, по пословицѣ, *медъ пьетъ и кандалы третъ*. Вѣрованіе въ судьбу обладая душею, наводитъ на нее какое-то уныніе и грусть, отзывающіяся въ Рускихъ пѣсняхъ народныхъ и въ самыхъ чертахъ лица: но, по сродной человѣчеству крайности, сія грусть переходитъ въ разгульство, какимъ ознаменовываются праздники и сопровождаются пиршества у простолюдья, гдѣ

за бращиной пива и за чарою вина казалось *море по колѣно*. Въ крайности Руской не рѣдко пускается на видимую опасность и даже отваживается на преступленія съ извѣстными поговорками: *Суди меня Богъ, да Государь*, или со временъ Петра I, *Суди меня Сенатъ, да канатъ!* — Кто преодолѣвалъ великія трудности, назывался *удалымъ молодцемъ*, такъ равно и тотъ кто перепивалъ другихъ на попойкѣ и перебивалъ на кулачномъ бою. *Удалой долго не думаетъ*. Изъ приверженности къ собственности, или изъ гордости народной происходитъ: *Не доставайся!* и другая вредная поговорка, болѣе частная, нежели общая, болѣе насмѣшливая подобно другимъ, нежели правдивая: *По нашъ вѣкъ будетъ, а по насъ хоть трава не рости*. Академикъ Лепехинъ утверждаетъ, что сіе мнѣніе въ Симбирской Губерніи имѣетъ пагубное вліяніе на лѣса, кои истребляются безъ помышленія о будущей ихъ надобности (t).

(t) Дневныя Записки Акад. Лепехина. С. П. 1771.

Хотя нѣкоторые изъ чужестранныхъ писателей приписывая Руское непамятозлобіе легкомыслію и тому, что раздражимость ихъ не управляется разумомъ, называютъ соотечественниковъ нашихъ *брадатыми дѣтьми* (bearded children); однако трудно быть незлопамятнымъ безъ великодушія и безъ вѣры, съ какими наши *брадатыя дѣти* (u) почитали злопамятство, подобно Греческимъ мудрецамъ, бременемъ *для* души: *Тому тяжело, кто помнитъ зло*, или *Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ*. Издревле было на Руси слово, оправданное многими дѣлами: *Бранися, а на миръ слово оставляй* — *Добрые люди бранятся на миръ и побратавшись, сойдутся на добренькій пиръ*, или *Сходись, бранись; расходись, мирись*. О немиролюбіи Казанскаго Царя съ его вельможами Лѣтописецъ нашъ говоритъ, что они *не оставили слова на миръ*. Самое общеупотребительное при разставаніи слово *прости* выражаетъ духъ миролюбія въ Ру-

(u) Anecdotes of the Russian Empire. London. 1784. 8

скомъ народѣ и поучительное напоминаніе о послѣднемъ концѣ; оно наше memento mori, „помни послѣдняя твоя." Сколько отъ положенія, столько и отъ характера Рускихъ, въ нихъ мало замѣтно той мстительности, какая видна въ другихъ Славянскихъ племенахъ, вѣроятно заимствовавшихъ сіе свойство отъ сосѣдей своихъ; у насъ нѣтъ пословицы, сходной съ Морлацкою: *Кò се не освéти, онъ се не посве„ти*, т. е. „Кто себя не отмститъ, тотъ „не посвятится." Иллирійцы мщеніе и посвященіе называютъ *освета* (v). Рускіе напротивъ того говорятъ: *Худой миръ лучше доброй брани* и *Брань славна лучше мира студна*, означая одною пословицей свое миролюбіе, а другою духъ воинственный и любовь къ славѣ. *Дружбу помни, а зло забывай.* Сходная у Рускихъ съ Поляками и другими Славянскими племенми поговорка: *Какъ камень въ воду* (Jak

---

(v) О нравахъ и обычаяхъ Славянъ Далматскихъ въ No 10 *Соревнователя Просвѣщенія*, 1818 г. С. П.

kamén w wodę) прежде означала вѣчное забвеніе гнѣва и вражды, а теперь принимается въ смыслѣ невозвратимой утраты, напр: Zginął jak gdyby kamén w wodę wrzucił, т. е. пропалъ, какъ будто камень въ воду бросилъ (x). Въ Древности это слово было торжественною формулой при заключеніи мира, означая, что „какъ камень исчезаетъ изъ „вида, погружаясь на дно рѣки, такъ да „исчезнетъ всякая тяжкая вражда, виновница непріязненныхъ дѣйствій!“ — или какъ говорятъ наши простолюдины при заключеніи мировой: *Быть такъ: всѣ бѣси въ воду, да и пузырья въ верьхъ* (y)! Съ прекращеніемъ сего обычая, слово получило другой смыслъ. Въ Римско-Католической церкви между обрядами издавна былъ извѣстенъ lapis pacis, камень мира (z). И древніе Римляне при договорахъ своихъ клялись, держа камень въ рукѣ, и *бросали* оный, убивъ

(x) Przysłowia narodowe. K. W. Woycickiego. Warsch. 1830.

(y) Труды Общ. Ист. и Древн. Росс. ч. IV. ст. X.

(z) *Ducangii* Glossarium med. Latin.

свинью съ слѣдующимъ заклинаніемъ: Si „sciens fallo, tum me Diespiter salva urbe, „arceque, bonis ejiciat, ut ego hunc lapidem, „т. е. Если завѣдомо обманываю: то, какъ „я кидаю сей камень, такъ пусть выки„нетъ меня Юпитеръ (Свѣтодавецъ) изъ „всего города, крѣпости, и лишитъ меня „имущества!" (a). Мимоходомъ замѣтимъ здѣсь, что, по древнему Требнику, стклянида, изъ коей по чиноположенію вкушали брачующіяся, должна быть разбита и *погружена съ камнемъ въ воду* (b). Основываясь на словахъ Св. Евангелія, еретиковъ и богоотступниковъ *бросали съ камнемъ въ воду*: чему въ XII в. подвергся Ѳеодоръ Ростовскій. До временъ Екатерины II, разбойники Брянскихъ лѣсовъ навязавъ прохожимъ, попавшимся имъ въ руки, камень на шею, бра-

(a) *A. Gellii* N. A. I. 21. de Jove lapide. Поливій, III. 25. назыв. сей обрядъ: *ὅρκος ὅδια λίθου*, клясться Юпитеровымъ камнемъ.

(b) Потребникъ, печат. при Патріархѣ Іосифѣ, въ Москвѣ 1652 г.—*М. Платона* краткая Церк Росс. Исторія. I. 2 ч. 1809.

сывали ихъ вилами, на дорогѣ изъ Рославля въ Брянскъ съ мѣловой горы въ Десну, приговаривая: *Не мы тебя бросаемъ, а вилы. Бросить камень въ воду* значитъ также: сдѣлать запруднѣніе, препятствіе. ст. 1 ч. сей книги.

При забвеніи зла, Руской любитъ хранить воспоминаніе о доброй старинѣ своей и не охотно принимаетъ *новизны*, въ коихъ его пословица подозрѣваетъ *кривизны*.

Замѣчаемая въ житьѣ-бытьѣ и нравахъ простота, въ старину и даже въ новѣйшія времена у Рускихъ, особливо между простолюдинами смежна съ добротою, умѣренностію, но не разлучна также и съ грубостію, подъ обликомъ коей иногда являются намъ добродѣтели и мнѣнія народныя, выражаемыя пословицами. При удаленіи себя отъ прихотей и причудъ роскоши, опростаніе сердца отъ лукавства и крамольныхъ страстей, чистота совѣсти и нравовъ есть истая Руская простота, прекрасная и подъ сѣрымъ кафтаномъ, любезная и подъ соломенной кровлею убогой хижины, не рѣдко достойной сожитія Ангеловъ, по

пословицѣ: *Гдѣ просто, тамъ Ангеловъ со сто, а гдѣ хитрò, тамъ ни одного.* „Въ простотѣ сердца, какъ говаривалъ М. Платонъ, Богъ опочиваетъ.“ Простота принимается въ смыслѣ *чистоты — половины спасенья* — которая, по пословицѣ, *Человѣка къ Богу приводитъ.* Та и другая водворяя въ сердцѣ покой, а въ сѣмьѣ совѣтъ и любовь, надѣляла благоденствіемъ и долговѣчностію; потому что *Кто живетъ просто, тотъ проживетъ лѣтъ со сто.* Простота въ смыслѣ оплошности *хуже воровства;* однакожь и *на всякаго мудреца живетъ довольно простоты.*

При сангвинико-холерическомъ темпераментѣ съ примѣсью меланхолическаго, какой замѣчается въ большей части Рускихъ, они имѣютъ не много потребностей, и тѣ умѣренныя и безъ причудъ; малымъ довольны въ житьѣ-бытьѣ своемъ, такъ что, по ихъ же слову, для счастія нужно только: *Хлѣба съ душу* (ибо *душа всему мѣра*), *денегъ съ нужу, платья съ ношу:* они любили *жить въ тѣснотѣ,*

да не въ обидѣ, имѣть избу не красну углами, да красну пирогами. По старинному повѣрью, *Кто малымъ доволенъ, тотъ у Бога не забытъ;* почему въ народѣ ведется молитвенный приговоръ: *Напитай, Господи, душу малымъ кусомъ!* Хотя Руские простолюдины, по тягостнымъ трудамъ и суровому климату своему, употребляютъ пищу, соразмѣрную тому и другому; однакожь обжирство почитаютъ за грѣхъ, такъ равно несвоевременную ѣду и лакомство; ибо, по ихъ слову, *брюхо добра не помнитъ.* Одни только праздники служатъ сему изключеніемъ. Въ нуждѣ простолюдинъ часто можетъ пробавляться весьма малымъ количествомъ простой и грубой пищи, и ѣсть однажды въ день: *Не до жиру, а быть бы живу — Не вѣяный хлѣбъ не голодъ, а посконная рубашка не нагота.*

Извѣдавъ потомъ и кровью цѣну хлѣба, онъ дорожитъ каждою крошкой онаго; признавая его *даромъ Божіимъ* и называя своимъ *отцемъ*, онъ за грѣхъ считаетъ приняться за него, какъ бы за святыню, неумытыми руками и безъ молитвы.

У него завтракъ, обѣдъ, полдникъ и ужинъ начинаются, подобно Восточнымъ народамъ, умовеніемъ рукъ и молитвою. Встрѣчая восхожденіе солнца, какъ говорится, *съ молитвою въ устахъ и съ работою въ рукахъ*, онъ оберегаетъ много времени для труда и покоя, въ той увѣренности, что *Кто рано встаетъ, тому Богъ подаетъ. Его утро мудренѣе вечера.*

Умѣренность въ пищѣ и простота въ жилищѣ соотвѣтствовали бережливости въ одеждѣ Рускихъ, прочной, покойной, нероскошной, единообразной и приличной климату. Они любили такъ носить, чтобы *износу не было* и чтобы изъ дѣдовскаго кафтана осталось и внуку; не стыдились починивать свое платье, оправдываясь тѣмъ, что *Царь Государь и городы платитъ*, т. е. починиваетъ. О лишней тратѣ на одежду говаривали: *на брюхѣ шелкъ, а въ брюхѣ щёлкъ*, т. е. что щегольство ведетъ къ голоду. Бережливость у нихъ почиталась хозяйственною добродѣтелью, которая *до вѣку кормитъ трудовыми деньгами*. Хоть

маленька добычка, говоритъ Руской народъ, *да большая бережь;* потому что *бережно, такъ недолжно.* Сія добродѣтель основывалась на предусмотрительности, съ какою берегли *бѣлую денежку*, доставляемую *черною работою*, *на черный день*, т. е. на нужду, на голодъ, *на бѣду*, *родящую деньги;* ибо, по старинному разчету, *денежка рубля бережетъ, а рубль голову стережетъ.* Любимою поговоркой великаго Хозяина въ нашемъ отечествѣ Петра I была: *Кто не бережетъ копейки, тотъ самъ не стоитъ рубля.* Условіемъ же прочности и твердости пріобрѣтеній поставлялась добросовѣстность съ увѣренностію, что одна *трудовая, праведная денежка до вѣку живетъ*, а *неправедная прибыль огонь*, или *Иной продаетъ съ барышемъ, да ходитъ нагишемъ.* Такія-то праведныя денежки составляли прочную основу родовыхъ имѣній, кои росли присовокупленіемъ трудовъ потомковъ къ трудамъ предковъ; нажитое одними сохранялось и приумножалось другими; отъ сего *Дворянскіе животы* на Руси слыли хоть *тонки-*

ми, да долгими. Но и эта пословица вышла изъ употребленія.

Предпочитая вѣрную и малую выгоду невѣрной, хотя и большой, Рускіе говорятъ вмѣстѣ съ Нѣмцами: *Не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки*, Ein Sperling in der Hand ist besser, als ein Storch auf dem Dache, т. е. „воробей въ рукѣ лучше, чѣмъ журавль на крышкѣ.“ Но изъ великодушія, или тщеславія, особливо въ сродномъ Рускому разгульствѣ и тороватости, у него *одна денежка и та ребромъ* (*всякая копейка ребромъ*), такъ что *хвастливаго съ богатымъ не узнаешь.* Онъ *ни за что не постоитъ*, чтобы только себя *лицемъ въ грязь не ударить.* Кому не извѣстна его похвальба: *Знай нашихъ!* Довольствуясь самъ скудною пищею, онъ бережетъ хорошій кусокъ для *хорошаго человѣка*, для котораго, какъ говорится, *чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ*, или *что въ печи, все на столъ мечи.* Радушіе же хлѣбосольства Рускаго объясняютъ намъ и слѣдующія пословицы старинныя: *Гости позваны, и постели постланы* — *Гость*

доброй всегда хозяину приятенъ — *Не будь гостю запасенъ, да будь ему радъ.* Ничто столько не оскорбляло честолюбія хозяина, если у него не чѣмъ было угостить, или заставали его въ расплохъ; тогда говаривали: *Гость на дворѣ и бѣда на дворѣ* — *Не во время гость хуже Татарина* — *Гость дорогой, а день середной*, т. е. постной, когда меньше кушанья, чѣмъ въ скоромной день. Изключенія въ частныхъ чертахъ скупости и недоброохотства составляютъ неизбѣжныя противоположности какъ въ сей, такъ и въ другихъ подобныхъ добродѣтеляхъ.

Сильное имѣетъ дѣйствіе надъ сердцемъ Рускаго *доброе* и *ласковое слово*, которое, по его пословицѣ, *лучше мягкаго пирога.* Гдѣ нельзя преклонить Рускаго простолюдина силою и грозою, тамъ нерѣдко привѣтливое слово, подарокъ и угощенье смягчаютъ его сердце, располагая его къ услугѣ; ибо для него *Ласково слово пуще дубины*, а *ласково слово не трудно, да споро.* Пословица гласитъ: *Не бей мужика дубьемъ, да бей его рублемъ*, также

Не бей мужика дубиной, да бей его полтиной. По сему для наклоненія простолюдина къ добру, его же пословицы учатъ поступать съ нимъ *честно*, а для отвращенія его отъ зла — *грозно*; ибо по выраженію пословищному Лѣтописи: „Какъ конь подъ Царемъ безъ „узды, такъ Царство безъ грозы" (а). Старая Руская пословица свидѣтельствуетъ, что *Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится.*

Екатерина II по опыту признавъ Руской народъ особеннымъ въ мірѣ, сказала, что „онъ одаренъ *догадкою*", которая, по его пословицѣ, *лучше разума*. Съ етою догадкой онъ переимчивъ и до всего самъ дойдетъ и *на что не взглянетъ, того не сдѣлаетъ;* но ета переимчивость подражательности близка къ легкомысленности въ нѣкоторыхъ классахъ народа, при коей онъ *отъ одного берега отстанетъ, а къ другому не пристанетъ.*

(а) Никон. лѣтоп. г. 1485.

Какъ въ лѣтописцахъ, писанныхъ въ бывшихъ удѣлахъ Россіи, такъ равно и въ пословицахъ, произшедшихъ отъ древнихъ раздоровъ и ссоръ, видны разныя мнѣнія одной стороны о другой. Московскій Лѣтописецъ говоритъ о соотчичахъ, что они *смиренные* и *набожные*, а о Рязанцахъ, что они искони были *горды* и *суровы* (d); о жителяхъ Новгорода Московская поговорка гласитъ: *Упрямъ, какъ Новгородецъ;* а Малороссійская: *Винъ такъ намоскалився, що изъ пидъ живаго пьяты рѣжетъ. Московска вира* то же значитъ, что у Римлянъ Graeca fides, Греческая вѣрность, и т. д.

Хитрость Рускихъ въ торговыхъ дѣлахъ, особливо съ иноземцами, издавна была извѣстна, такъ какъ и пословица *Товаръ лицомъ продать.* Петрей, согласно съ другими иностранными путешественниками въ Россію, говоритъ, что „Ру„скіе въ торговлѣ и мѣнѣ весьма обманчивы,

(d) *Карамз.* И. Г. Р. V. 50. — Герберштейнъ напротивъ того хвалитъ Рязанцевъ и Новгородцевъ.

„изворотливы и хитры; запрашивают бо-„лѣе, нежели сколько стоит товар.“ Слова Петрея подтверждаются пословицами: *Запрос въ карман не лезет — Не покаря, ничего не купишь, а не похваля, ничего не продашь.* Таков устав торговли, который едвали не заимствован Рускими въ древних их связях съ Греками!

„Рускіе, свидѣтельствует Италіянец Рафаил Барберини — въ XVI в. (е) „въ торговых дѣлах чрезвычайно ловки, „говорят много и приятно, а поступают „худо, не упуская случая обмануть; что „им нерѣдко удается, если имѣют они „дѣло съ людьми довѣрчивыми и простыми; „они всячески поддѣлывают свои товары; „покупая соболей и другіе мѣха, стараются „выставить их гораздо лучше, и для то-„го скрывают все, могущее убавить их „цѣнность. Не рѣдко случается, что про-„давцы отпускают покупщика из лавки „под тѣм видом, что они не согласны

(е) Relatione di Moscouia scritta da Raffaello Barberino al Conte di Nubarola. Anv. 1565.

„ему уступить торгуемую вещь за пред-
„лагаемую имъ цѣну; потомъ обмѣнивши
„ее, кличутъ его, или сами идутъ къ нему
„и отдаютъ негодный товаръ за хорошую
„цѣну." Такое описанiе Московской торговли въ XVI вѣкѣ напоминаетъ старыя пословицы: *На гнилой товаръ слѣпой купецъ* и *Не товаромъ Богъ кормитъ, а купцемъ.* Однако тотъ же писатель, который иногда судилъ по частнымъ случаямъ объ общемъ, говоритъ, что „по всему Рускому Государ-
„ству можно ѣздить безъ всякой опасности
„и не подвергаться ни нападенiямъ, ни гра-
„бежу на большихъ дорогахъ, имѣя при себѣ
„деньги и драгоцѣнныя вещи." Какiя же имѣли мнѣнiя Руские о воровствѣ, подъ коимъ иногда разумѣли они всякой обманъ, видно изъ слѣдующихъ пословицъ разныхъ епохъ: *Лучше торговать, чѣмъ воровать — Вору висѣлица да кнутъ, а доброй всегда не плутъ — Воръ воруетъ не для прибыли, а для гибели — Воровство послѣднее ремесло*, и проч.

До XVIII вѣка Руские почерпали просвѣщенiе болѣе въ своемъ отечествѣ, не-

жели въ чужихъ странахъ, неохотно принимая заморскіе обычаи и нравы изъ опасенія, чтобы тѣмъ не нарушить отечественныхъ уставовъ и преданій и не поколебать Вѣры православной; кромѣ пословъ, купцевъ и странниковъ къ Св. Мѣстамъ, едва ли кто изъ Рускихъ ѣздилъ въ чужіе краи, о коихъ гласитъ старинная народная пословица: *Славны бубны за горами, а придутъ какъ лукошки.* По свидѣтельству Барберини, одинъ Полякъ спросилъ Рускаго: „Почему соотечественники ваши не отсылаютъ дѣтей своихъ въ чужіе краи, но „держатъ ихъ у себя дома въ грубомъ „невѣжествѣ, тогда какъ наши дѣти заимствуютъ отъ другихъ народовъ познанія и „обращеніе съ людьми? — „Потому, отвѣчалъ послѣдній, что наши дѣти родятся „съ тѣмъ, чего ваши не имѣя дома, принуждены бываютъ искать въ чужихъ краяхъ.“

Здравый разумъ, опытность и снаровка въ Рускихъ часто торжествовали надъ ученостію иностранцевъ, по собственному ихъ признанію и по многимъ примѣрамъ.

Особливою чертой Руских поставляють насмѣшливость, болѣе однакожь добродушную, чѣмъ злобную; острое и красное словцо было иногда родомъ мести, какою они удовлетворяли себя за обиду. Сія черта видна въ етнографическихъ и топографическихъ названіяхъ, въ пѣсняхъ, пословицахъ и прибауткахъ, также въ прозвищахъ, какія давались или отъ свойствъ человѣка, или особенныхъ какихъ случаевъ; ибо, по древнему суевѣрію, въ старину таили имя, полученное при св. крещеніи (f). Не было войны съ чужестранными народами, ни одного сословія, ни одного чина — о чемъ бы не составлялось у нихъ сатирическихъ пословицъ, прямыхъ, или иносказательныхъ, какъ увидимъ въ послѣдующихъ частяхъ сей книги.

Такъ какъ разные характеры народовъ составлены изъ добродѣтелей и пороковъ, изъ хорошихъ и дурныхъ ка-

(f) Въ Трудахъ Общ. Исторіи и Др. Росс. ч III. ст. II. *О личныхъ собственныхъ именахъ у Славянорусcовъ.*

чествъ (g): то и старину одни называютъ вѣкомъ прямаго благочестія и добродѣтели, простоты и цѣломудрія, а другія временами грубости и жестокости, пьянства и безстыдства. Но, при безпристрастномъ сличеніи свѣтлыхъ сторонъ съ темными въ нравахъ Рускаго народа, первыя возьмутъ верхъ надъ послѣдними; ибо его вспыльчивость и раздражительность вознаграждаются добродушіемъ и незлопамятствомъ, грубость прямодушіемъ — пороки его коренными добродѣтелями, необразованность природнымъ умомъ и догадкою, съ коими Руской *на все готовъ и горазд*ъ. Законодательница Россіи свидѣтельствуетъ, что „Руской народъ есть осо„бенный въ цѣломъ свѣтѣ; Богъ ему далъ „отличныя отъ другихъ свойства.„ Екатерина II — пишетъ другъ ея, Княгиня Дашкова — „приписывала народу своему превос„ходныя дарованія тѣла и души, силу, „храбрость и догадку.“ Какъ, по словамъ

(g) Наказъ, ст. 52. — О существѣ законовъ, соч. Монтескье. 4. ч. М. 1810. 8.

Наказа, „нравы и обычаи суть установле-„нія всего вообще народа" (h): то время и просвѣщеніе, соравмѣрное потребностямъ народа и согласное съ цѣлію правленія, могутъ возвысить и утвердить добрые нравы и облагородствовать похвальные обычаи простолюдина, не стѣсняя законами праотеческихъ его обычаевъ, дабы чрезъ то не стѣснить его добродѣтелей и не изгладить подлинности характера, отличающей Рускихъ отъ другихъ народовъ; вредные же обычаи и дурные нравы истребятся, или постепенно ослабятся тѣми же средствами, какими возвысятся хорошіе. Всякому извѣстно, въ тѣсной связи нравы и обычаи народа съ его законами и постепеннымъ просвѣщеніемъ; послѣднія сообразуясь съ первыми, крѣпче могутъ соединять, но не раздѣлять разныя сословія народа въ любви къ отечеству и въ преданности къ Св. Вѣрѣ и законной власти. Такимъ образомъ добрая Руская старина во-

---

(h) Наказъ, ст. 59.

дворится въ просвѣщенномъ потомствѣ: наслѣдственныя ея пословицы, оживленныя событіями, оправдаются или опровергнутся правилами здравой Философіи къ возвышенію и утвержденію не только политической, но и нравственной самобытности народа.

Но такъ какъ основаніемъ нравовъ служитъ Нравственность—и одни перемѣняются, а другая остается неизмѣнною: то мы перейдемъ къ сей послѣдней для примѣненія и повѣрки съ правилами оной Рускихъ пословицъ, кои, какъ выше сказали мы, служатъ напутствіемъ въ жизни простолюдину, содержа въ себѣ его природу и бытъ, Вѣру и Нравоученіе.

у.) *Нравственныя пословицы.*

Кому не извѣстно, какую имѣютъ силу народныя пословицы въ гражданской и сѣмейной жизни, гдѣ онѣ примѣняются къ разнымъ ея обстоятельствамъ; ими, какъ бы печатію утверждаются сужденія и оправдываются поступки. Но какъ почти всѣ страсти могутъ быть выражены своими пословицами, а не всѣ оправдываются законами Нравственности: то между пословицами у всѣхъ народовъ встрѣчаются такія, кои относясь къ страстямъ или предразсудкамъ и будучи справедливы отчасти, а не вообще, не могутъ войти въ составъ Нравоученія и сдѣлаться законами воли человѣческой, выводимыми изъ опыта и наблюденія. За то находится много такихъ пословицъ, кои основываясь на здравомъ разумѣ, на благихъ нравахъ и обычаяхъ доброй старины и на правилахъ св. Вѣры, приводятъ къ добру и представляютъ гибельныя слѣдствія порока и торжество добродѣтели; въ нихъ заключаются начала той общей Нравственности, на коей утверждаются

всѣ частныя должности человѣка и которая не рѣдко познается по откровенію совѣсти и по здравому смыслу. Посему, съ одной стороны въ пословицахъ народныхъ нерѣдко представляются постыдныя суевѣрія, закоснѣлые предразсудки и заблужденія, терпимыя только по привычкѣ и давности: источники оныхъ въ укоренившихся въ народѣ языческихъ понятіяхъ, кои не могла совершенно истребить и Вѣра православная, во вліяніи чужеземнаго духа, въ сектахъ и расколахъ, кои дѣйствовали на умы народа, такъ равно и въ невѣжествѣ и грубости. Съ другой, болѣе утѣшительной и пріятной стороны являются намъ въ простыхъ, но сильныхъ и многозначущихъ выраженіяхъ превосходныя правила гражданскихъ и *сѣмейныхъ обязанностей и добродѣтелей* мысли, современныя всѣмъ временамъ; онѣ могутъ составить народное *Руское Нравоученіе.* Между тѣмъ какъ возникающая Философія поглощаетъ древнюю простоту нравственныхъ изреченій, въ поезію облеченныхъ, а нововводимое воспитаніе

высшаго сословія народа даетъ новое направленіе: низшая, многочисленнѣйшая часть онаго, далекая еще отъ просвѣщенія и, по большей части, безграмотная, крѣпко держится своей старины и остается при отеческихъ правилахъ, передаваемыхъ въ пословицахъ — *живетъ*, какъ говорится, *умомъ и благословеніемъ родительскимъ*. Сіи правила, почерпнутыя изъ вѣковыхъ опытовъ людьми умными, освящаются уваженіемъ потомковъ къ предкамъ, какъ бы заповѣди сихъ послѣднихъ, составляя невидимый союзъ однихъ съ другими. Прежде, нежели просвѣщеніе раздѣлило мнѣнія народа, и у высшаго сословія были почти одинаковыя пословицы съ простолюдинами и сходные во многомъ нравы и обычаи.

Если Французы назвали свои гномы и апоѳегмы *мудростію народовъ* (a sagesse des nations), Нѣмцы *справедливыми словами* (die wahre Wörter) (1): то Руские могутъ наименовать свои пословицы своею Нравственностію, кои болѣе ими

(1.) Калмыцкая пословица утверждаетъ, что *Правда есть пословица.*

самими придуманы и домышлены, нежели заимствованы отъ другихъ народовъ. Если соотечественники наши не столько угождали остроумію, какимъ блистаютъ Французскія пословицы: за то они старались избѣгать кощунства, своеволія, легкомыслія, утверждая своими словами наслѣдственное, сродное имъ благочестіе, добродушіе и смиреніе, какъ вѣрнѣйшія средства къ обузданію крамольныхъ страстей и къ водворенію благоденствія въ общественной и сѣмейной жизни.

Въ сихъ свойствахъ народа Рускаго, выраженныхъ его же словами, находя основанія Нравоученія — постараемся вывести изъ оныхъ начала важнѣйшей, не токмо для народа, но и для человѣчества науки направленія воли къ частному и общему благу чрезъ исполненіе обязанностей къ самому себѣ и другимъ. Та и другая обязанность соединяются въ Богѣ, въ руцѣ Котораго власть всея земли (k). Ежели въ Немъ источникъ добра и истины: то Его воля должна быть святѣйшимъ закономъ.

(k) *Сірахъ*, гл. X.

Человѣкъ, какъ разумно-свободное существо, долженъ въ самомъ себѣ находить побужденіе добровольно подчинять свои дѣйствія суду разума и совѣсти, слѣдовать оному даже съ пожертвованіемъ своими склонностями и выгодами. Такая въ немъ подчиненность составляетъ истинную свободу, безъ коей не можетъ существовать Нравственность. *Вольному воля, спасеному рай.* Полагая основаніе благоденствія въ покорности воли разуму, Русскіе пословицей своей утверждали, что *Кто воли своей не переможетъ, тотъ и счастливъ быть не можетъ*, или *Дай сердцу волю, заведетъ тебя въ неволю*; ибо иногда подъ *неволею*, а иногда и подъ *свободою* они не рѣдко разумѣли обузданіе страстей и покорность закону, безъ чего и *Господинъ въ неволѣ у прихотей своихъ.* Это была свобода не политическая, но нравственная; первая называлась *вольностію*, *волею* и не рѣдко смѣшивалась и съ своеволіемъ, за которымъ слѣдуетъ порча и добровольное рабство. *Воля и добра мужа портитъ — Воля портитъ, а неволя учитъ.*

Такъ какъ источникъ человѣческаго Нравоученія — разумъ, часто подвергающійся заблужденіямъ, не можетъ самъ собою утвердить себѣ правилъ: то первымъ началомъ нравственныхъ дѣяній и полагается преданность волѣ Божіей: *Будь воля Божія!* ибо въ ней заключается исполненіе дѣлъ *правды*, которая, по старинному изреченію, *свѣтлѣе солнца*, и *Все минется, одна правда остается.* Но какъ *правду Богъ видитъ*: то къ познанію источника оной обращаетъ слѣдующая пословица: *Умная голова, разбирай Божьи дѣла!* Выраженіемъ же ограниченности разума, при недоумѣніи, или неизвѣстности, служила поговорка: *Богъ вѣдаетъ* (1). Многія изъ прекрасныхъ добродѣтелей и намѣреній Русскими поговорками обращаются къ Богу, какъ то: благодарность — *Спаси Богъ, спасибо*, доброжелатель-

(1) Разсужденіе изъ натуральной Богословіи о началѣ и произшествіи натур. Богочитанія, соч. Д. *Аничкова*. М. 1769. 4. — Разсужденіе о коренн. началѣ Христіан. дѣятельности, с. *Евграфа*.

ство — *Богъ на помощь*, радушіе — *Чѣмъ Богъ послалъ*, и т. д. см. стр. 30.

Такимъ образомъ предки наши, начиная и оканчивая все Богомъ, все къ Нему относили, и на сихъ отношеніяхъ основывали обязанности свои къ Творцу, къ ближнимъ своимъ и къ самимъ себѣ. Такъ какъ жизнь человѣческая представляетъ въ себѣ совокупность дѣйствій и обязанностей: то сіи послѣднія утверждаются на любви и справедливости, а дѣйствія проистекаютъ или изъ добросовѣстности, или требованій обязанности.

Если *рубашка къ тѣлу ближе*: то начнемъ съ обязанностей человѣка гражданина, сѣмьянина и члена Церкви къ самому себѣ, а въ нихъ откроются и другія его отношенія, безъ коихъ онъ не былъ бы человѣкомъ. *Другъ обо другѣ, а Богъ обо всѣхъ*.

Поставляя достиженіе высшаго совершенства въ жизни высшею цѣлью человѣка, предки наши почитали всѣ возрасты ученіемъ, по ихъ пословицѣ, *Вѣкъ живи, вѣкъ учись*; ибо *Ученье свѣтъ, а не ученье тьма — Ученье красота, а не-*

ученье сухота. Впрочемъ, по внутреннему ощущенію правоты, оцѣняя знанія другихъ, они прибавляли: *Ученаго учить, лишь только портить.*

Питая въ себѣ чувствованія сострадания, милосердія и доброхотства, сближающія людей между собою, человѣкъ возбуждаетъ въ себѣ мысли о нравственномъ чинѣ въ мірѣ и о вѣрѣ въ Промыслъ Божій, который *все Свое строитъ* съ отеческимъ попеченіемъ; ибо, по выраженію Руской пословицы: *Ни отецъ до дѣтей, какъ Богъ до людей.* Какъ благочестіе есть непоколебимое основаніе добродѣтелей и обязанностей: то изъ него раждается преданность волѣ Божіей, какую замѣчаемъ въ Руских. Хотя благоговѣніе иногда и обращается невѣжествомъ въ суевѣріе; но самые толки и расколы болѣе суть слѣдствія какой-то жажды вѣры, нежели скудости въ оной, или изувѣрства.

Весьма мало Рускихъ пословицъ, и то произшедшихъ въ позднѣйшее время, отзываются вольнодумствомъ и кощунствомъ, которое произошло или отъ изу-

вѣрства, или отъ духа разныхъ ученій, проникавшихъ изъ чужихъ странъ въ Россію и нерѣдко входившихъ въ моду: *Что стыдно и грѣшно, то въ обычай вошло.*

Хотя Промыслъ печется равно обо всѣхъ; но и человѣкъ не долженъ предаваться слѣпой безпечности, а беречь себя; ибо *Береженаго и Богъ бережетъ.* Общее у человѣка съ животными чувствіе самосохраненія, возвышенное Нравственностію и освященное Вѣрою, внушаетъ ему заботливость и попеченіе о благосостояніи своемъ. Такъ какъ тѣло служитъ ему орудіемъ къ исполненію обязанностей: то и долженъ онъ хранить свое здоровье воздержаніемъ, или говоря Рускою пословицей: *Береги здоровье подъ старость*: ибо *въ чемъ молодъ похвалится, въ томъ старъ покается — Чѣмъ поиграешь, тѣмъ и зашибешься.* Здоровью вредятъ страсти изможлающія, какова: зависть, злоба, печаль: отъ нихъ остерегаютъ насъ и пословицы, показывая гибельныя ихъ дѣйствія: *Тому тяжело, кто помнитъ зло — Завистливый сох-*

нетъ и о томъ, когда видитъ счастье въ комъ. — Кто завистливъ, тотъ и обидливъ. — Печаль не уморитъ, а здоровье повредитъ.

Но если человѣкъ пожертвованіемъ своей жизни можетъ исполнить свою обязанность къ другимъ, особливо къ своему Государю и къ Отечеству; ибо онъ читаетъ въ совѣсти своей сію обязанность: тогда онъ долженъ животъ свой положить — тогда *за честь голова гинетъ.* см. выше, стр. 109. Любя свое отечество, мы любимъ добродѣтель.

Обязанности къ другимъ происходятъ изъ любви и справедливости, кои основываются на уваженіи нравственнаго достоинства въ подобныхъ намъ; ибо *Всѣ люди, всѣ человѣки.* Такъ какъ *Душа*, по пословицѣ, *всего дороже*: то Руской просто людимъ усовѣщиваетъ другаго въ правдѣ словомъ простымъ, но по смыслу своему многозначущимъ: *Душа надобна!* или *Побойся Бога!* Первымъ напоминая о спасеніи души, а другимъ о страхѣ Божіемъ обязанности любви къ сочеловѣкамъ пре-

буютъ отъ насъ споспѣшествованія ихъ благосостоянію по мѣрѣ силъ своихъ словомъ и дѣломъ; ибо и сама природа влечетъ насъ къ человѣколюбію, а пословица согласно съ нравственнымъ закономъ обязываетъ такъ жить, чтобы: *Всѣмъ добро, никому не зло; то законное житье.* Подражая промыслу Творца, мы должны стремиться къ цѣли жизни распространеніемъ добра на родныхъ, друзей, соотечественниковъ, а потомъ и на все человѣчество, коль скоро откроется къ тому случай и возможность; но такъ, чтобы *чужую крышу крыть, а своя бы не текла*, т. е. благотворя чужимъ, не оставлять безъ помощи ближнихъ; ибо *Своя рубашка къ тѣлу ближе*, или какъ гласитъ Нѣмецкая пословица, сходная съ Рускою, о правахъ родства: Das Hemd mir näher, als das Rock, т. е. „рубашка ко мнѣ ближе кафтана." Въ статьѣ о старыхъ обычаяхъ и нравахъ выше приведены пословицы, свидѣтельствующія объ уваженіи къ старшинству, о почтеніи къ родителямъ.

Въ благотвореніяхъ справедливость предпочитается добротѣ; желая блага друзьямъ и ближнимъ, несправедливо поступимъ, когда будемъ основывать оное на бѣдствіи, или вредѣ чужихъ. *Другу дружи*, а *другому* (недругу) *не вреди* (не груби). Сострадание не есть одно чувствованіе, сродное человѣчеству, но исполненіе обязанности, которая предписываетъ намъ по всей возможности помогать всякому страждущему сочеловѣку — будетъ ли онъ предметъ нашей любви, или ненависти. Въ отечественной Исторіи примѣръ Ржевскаго, положившаго животъ за врага своего Ляпунова въ той увѣренности, что дни его полезны для отечества, есть необыкновенный въ лѣтописяхъ человѣчества. И Спаситель міра повелѣвая душу свою положить за други, такую любовь называетъ высшею: *Больши сея любви, никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (m). Сіе священное правило исполнили крестьянинъ Сусанинъ, пожертвовавшій жизнію своей за спасеніе

(m) Іоанна, XV. 13.

Царя Михаила и тысячи Руских, у которыхъ примѣръ Регула не рѣдкость.

Хотя, по пословицѣ, *отруби себѣ ту руку по локоть, которая себѣ добра не желаетъ*; однакожъ сія естественная въ человѣкѣ склонность будетъ несправедлива и противна Нравственности, ежели онъ стремится къ личности своей, не заботясь о благѣ общемъ, если, изъ самолюбія и своекорыстія, онъ другихъ обращаетъ въ средство — *чужими руками жаръ загребаетъ*. Такъ какъ, по дѣйствію правосудія Божія, счастіе, созданное на несчастіи другаго, непрочно по своимъ основаніямъ, преступно и даже гибельно по своимъ слѣдствіямъ: по сему — *Ищи себѣ прибыли, другому не желай гибели*, или *Не все для себя, ино мѣсто и для другихъ*.

Какъ благотворительность есть свѣтъ жизни, такъ самолюбіе тьма, подавляющая въ сердцѣ человѣческомъ сѣмена добра и оставляющая въ немъ пустоту, а въ другихъ возбуждающая отвращеніе. *Самолюбъ никому не любъ*.

Ежели равнодушіе къ общему благу есть несправедливость: то посягательство на оное словомъ и дѣломъ есть уже преступленіе противъ человѣчества и отчизны. Общее родство человѣковъ и Всевѣдѣніе Божіе, простирающееся на дѣла и намѣренія наши, удерживаютъ обидчика и утѣшаютъ обиженнаго, хотя бы въ человѣческихъ законахъ не находилось средствъ обуздать перваго и защитить послѣдняго; но *Богъ видитъ, кто кого обидитъ — Богъ долго ждетъ, да больно бьетъ — Отольются волку коровьи слезы.* Такъ какъ богатые и сильные обидливы (*Мужикъ богатый, что быкъ рогатый*): то пословица и напоминаетъ имъ, что и они люди: *Не обижай голяка! у голяка такая же душа — Не боюсь богатыхъ грозъ, а боюсь убогихъ слезъ;* потому что, прибавляетъ старая пословица: *Убогаго слеза жидка, да ѣдка.* Къ уваженію священнаго права собственности относятся слѣдующія: *Чужимъ не наживешься — Неправедное собраніе прахъ,* и пр. Представляя обыкновенно

не столько начала, сколько послѣдствія пороковъ и злодѣяній, пословицы отечественныя разительно изображаютъ дѣйствія злобы и зависти на жизнь: *Въ лихости и зависти нѣтъ ни проку, ни радости*, и пр. Какъ клевета (напраслина) и злословіе нарушаютъ счастіе ближняго: ибо *и въ напраслинѣ, что въ дѣлѣ люди погибаютъ, коли къ нимъ грѣхъ чужой прикидываютъ*: то должно быть осторожнымъ въ словахъ: *Слово не стрѣла, да пуще стрѣлы*, или *Слово не воробей, вылетитъ, не поймаешь*. см. стр. 25. Презрительными и гнусными казались Рускимъ наушничество и переносы вѣстей изъ дома въ домъ, или смушки, по выраженію одного изъ нашихъ поетовъ, простодушная клевета, какъ видно изъ слѣдующихъ пословицъ, согласныхъ съ уставами Нравственности: *Наушника никто не почитаетъ, а лукаваго всякъ бранитъ* — *Кто переноситъ вѣсти, тому не дѣлаетъ чести*. Но какъ и самыя невинныя шутки часто имѣютъ виновныя слѣдствія: — *Шутки хо-*

дятъ въ шубкахъ: то заботливые предки наши старались и объ етомъ предупредить потомковъ своими замѣчаніями: *Шутки шути, а людьми не мути — Шути, да оглядывайся — Шути до тѣхъ поръ, пока краска въ лице не войдетъ*, и пр.

Обязанности справедливости требуютъ благодарности и воздаянія отъ того, кто получаетъ одолженія и благодѣянія; потому что признательность основывается на уваженіи къ человѣчеству въ самомъ себѣ и въ другихъ, какъ въ нравственныхъ существахъ за нравственныя ихъ дѣянія. Благодарность цѣнится выше благодѣянія пословицей: *Спасибо тому, кто поитъ, да кормитъ, а вдвое тому, кто хлѣбъ соль помнитъ*. Если благотвореніе изъ личныхъ выгодъ теряетъ цѣну свою: то уклоненіе себя отъ етой добродѣтели подъ предлогомъ неблагодарности людской, что *Не вспоя, не вскормя, не видать ворога*, есть удаленіе отъ цѣли бытія, которая заключается въ добрѣ. Посему пословицы утѣшаютъ въ неблагодарности людей: *Дѣлай добро и жди добра*, и *Сдѣлавши добро*,

не кайся; ибо *Кто добро творитъ, тому Богъ отплатитъ*, такжe *За неблагодарныхъ Богъ благодаритъ*. Кромѣ сей высшей награды, добродѣтельный въ себѣ самомъ находитъ воздаяніе совѣсти, надѣляющей его спокойствіемъ; онъ, при собственномъ бѣдствіи, полагаетъ свое счастіе въ счастіи другихъ, исполняя свое сердце благороднѣйшимъ наслажденіемъ, съ коимъ въ чистотѣ не можетъ сравниться никакое другое земное удовольствіе. *Съ добромъ жить хорошо*, или *Злой плачетъ отъ зависти, а добрый отъ радости*. Какіе различные источники слезъ!

Какъ благотворительность есть свѣтъ жизни человѣческой, такъ *смиреніе* — ея теплота, или по опредѣленію пословицы, *ожерелье*; оно должно быть неразлучно съ честью; ибо *Кто смиреньемъ себя украшаетъ, тотъ честностью укрѣпляетъ*. Источникомъ же многихъ заблужденій и безпорядковъ въ человѣчествѣ бываетъ гордость и самонадѣ-

янность; по сему Руское Нравоученіе, согласно съ св. Писаніемъ, гордыхъ называетъ противниками Богу и безразсудными: *Гордымъ Богъ противится, а смиреннымъ благодать даетъ — Горду быть, глупымъ слыть.*

Крайность доброты есть вредное потворство и послабленіе порокамъ и преступленіямъ; потому оказывать болѣе снизхожденія и любви, нежели сколько требуютъ обязанности и отношенія общественной жизни, къ людямъ безъ всякаго нравственнаго достоинства, злодѣямъ и порочнымъ, есть виновное равнодушіе къ нравственному достоинству человѣка, посягательство на справедливость. Пощадою злодѣевъ обижаются честные люди, и попускающій зло дѣлается участникомъ въ ономъ. *Кто злымъ попускаетъ, тотъ самъ зло творитъ*, или *Вора миловать, добраго погубить.* Въ такомъ снисхожденіи никогда упрекало Духовенство наше В. К. Владиміра, по свидѣтельству нашихъ лѣтописцевъ.

Какъ нравственный порядокъ необходимъ для жизни сѣмейной и общественной: то человѣкъ долженъ исполнять обязанности, связующія частное его благо съ общимъ; онѣ суть: праводушіе, вѣрность и честность въ словѣ и дѣлѣ, и терпѣніе. См. стр. 129.

Если, по пословицѣ, *Всякая неправда грѣхъ* и если человѣкъ несправедливый склоненъ ко всѣмъ порокамъ: то коварство, ложь, лицемѣріе противны добросовѣстности. А какъ всякое дурное дѣло, по непремѣннымъ уставамъ Источника правды, имѣетъ гибельныя слѣдствія для виновника: то *Кто неправдою живетъ, того Богъ убьетъ — Въ правдѣ Богъ помогаетъ, въ неправдѣ Онъ же запинаетъ — Злой человѣкъ не проживетъ въ добрѣ вѣкъ — Богъ его попутаетъ.* Основаніе правды полагается въ добрѣ слѣдующею пословицей: *Въ комъ добра нѣтъ, въ томъ и правды мало* — и *Не ищи въ другихъ правды, если ее въ тебѣ нѣтъ.* Но такъ какъ *Всякъ правду любитъ,*

да не всякъ ее скажетъ, и *Правда глаза колетъ: — Великимъ правду говорить, не легче лжи — Правду говорить, себѣ досадить.*

Пословицы Рускія полагаютъ слѣдствіями лжи вредъ, грѣхъ, стыдъ и утрату довѣренности общественной, какъ основанія взаимныхъ связей и средства для достиженія нравственнаго счастія въ жизни. *Кто правды не скажетъ, тотъ многихъ свяжетъ.* Если ни чѣмъ столько не укрѣпляется сила совѣсти, какъ справедливостію: за что ни чѣмъ столько не ослабляется, какъ обманомъ, хотя бы онъ прикрывался личиною вѣжливости и приличія, или ухищренными извиненіями порока и преступленія, или искусною клеветой на ближняго, или утонченнымъ злословіемъ — обманщикъ все предъ людьми трусъ, а предъ Богомъ наглецъ; онъ разрываетъ связь свою съ обществомъ человѣческимъ; ибо всякая умышленная ложь есть обида не только для обманутыхъ, но и оскорбленіе для всего человѣчества — она только тог-

да допускается, какъ неправда для правды и добра, когда требуетъ того высшая должность справедливости; въ противномъ случаѣ: *Гдѣ видѣнъ путь прямой, тамъ не ѣзди по кривой*, т. е. гдѣ можно и должно достигнуть нравственной цѣли истиною, тамъ не употребляй лжи и коварства. Сколь презрителенъ былъ етотъ порокъ у Руских, видно изъ слѣдующихъ ихъ пословицъ: *Со лжи люди не мрутъ, да впредь имъ вѣры неймутъ* — *Кто охочь лгать, тово нельзя за друга принять* — *Лгать, такъ людей обьлгать* — *Молодому лгать вредно, а старому не потребно* (n).

Если и ведутся пословицы: *Люди ложь, и мы тожь*, также *Люди неправдою живутъ, и намъ не треснуть стать*; то болѣе въ свойственныя духу Рускому насмѣшки надъ лжецами, или составляютъ увертливыя ихъ извиненія, нежели правила или черты характера Рускаго на-

(n) Moralische Sprichwörter der Deutschen. Halberst. 1822.

рода, въ коемъ только похвальба и сродное ему тщеславіе могло произвести поговорку: *Красно поле рожью, а рѣчь ложью* и подобныя ей.

Неизмѣненіе своему ближнему ни словомъ, ни дѣломъ — есть вѣрность, союзница честности. Если ввѣренная намъ тайна подобна сокровищу, отданному на сбереженіе: то *кто открываетъ тайну, тотъ погубляетъ вѣрность*, т. е. нарушаетъ вѣрность и честность, важнѣйшія для общества человѣческаго добродѣтели и познаваемыя также въ исполненіи даннаго *слóва*, которое для честнаго человѣка есть *законъ и клятва* — *Слово законъ, держись за него, какъ за колъ*. Столь дорожили Рускіе своимъ обѣщаніемъ, что сказанное почитали какъ бы сдѣланнымъ и для сего совѣтывали напередъ обдумывать — *крѣпиться*, или говоря ихъ же рѣчами: *До слова* (не давши слова) *крѣпись, а давши слово, держись*. Твердость духа и постоянство служатъ основаніемъ честности въ словѣ и дѣлѣ, такъ равно и про-

чимъ добродѣтелямъ, кои не могутъ обойтись безъ етой опоры. Съ ними соединена умѣренность въ страстяхъ, которая руководствуетъ къ благоразумному употребленію благъ жизни и къ великодушному перенесенію бѣдствій, неизбѣжныхъ въ земной юдоли испытаній. Истинный умъ поставляется пословицей въ добрѣ и въ умѣньѣ терпѣть: *Кто уменъ, тотъ умѣетъ и безвремянье терпѣть*, а *Кто собою не управитъ, тотъ и другаго на разумъ не наставитъ*, т. е. кто собою не умѣетъ управлять, тотъ не можетъ содѣйствовать ни своему, ни другихъ счастію, которое созидается умомъ здравымъ и сердцемъ чистымъ столько, сколько дозволитъ Провидѣніе для цѣлей здѣшней жизни.

Разсматривая въ разныхъ отношеніяхъ нравственныя пословицы Рускаго народа, болѣе замѣчаемъ въ нихъ направленія къ Вѣрѣ, которая замѣняетъ у него Философію; ибо онъ все добро и истину полагаетъ въ Богѣ; что видно изъ многихъ его посло-

вицъ. Немногія изключенія и частные случаи, выраженные пословицами, не опровергаютъ общихъ основаній Нравственности въ духѣ Христіанскомъ, которая если укрѣпится и распространится въ народѣ просвѣщеніемъ, соразмѣрнымъ съ его нуждами и отношеніями: то тѣмъ самымъ болѣе возвысятся самородныя его добродѣтели и счастливыя дарованія, ослабятся дурныя его свойства вмѣстѣ съ истребленіемъ вредныхъ предразсудковъ и заблужденій — и Рускіе съ Православною Вѣрою подъ отеческимъ Правленіемъ вѣрнѣе исполнятъ великое свое предопредѣленіе въ мірѣ тѣми великими средствами, и внѣшними и внутренними, какими надѣлило ихъ Провидѣніе.

Конецъ IIй Книжки.

Замѣчанія Гна Арцыбышева на 1 часть сей книги.

стр. 41 „и производя", послѣдующее безъ предъидущаго: вѣрно опечатка, вмѣсто *и производитъ*, или И тутъ лишнее.

стр. 51. „Связи съ Германіей посредствомъ Ганзейскаго союза съ XIV вѣка"; не съ XII ли? См. Изслѣдованія Лерберга (СПБ. 1819 г.) стр. 220 и договоръ Мстислава въ Собр. грам. и догов. II. N. 1.

стр. 53. „Зубъ за зубъ", кажется мнѣ, що, что у охотниковъ *зѣвъ въ зѣвъ*, т. е. когда собаки, бросясь одна на другую, смыкаютъ рыло съ рыломъ и задѣваютъ взаимно *зубъ за зубъ*.

стр. 54. . . . . „не вытащутъ", по моему, *не достанутъ*; „протягивай", по моему, *тяни*.

стр. 81. Подобный подобнаго любитъ", я бы перевелъ вотъ какъ: *Кожа кожѣ снаровитъ*.

стр. 83. „Трудно противъ рожна прати", значитъ по моему: *Плетью обуха не переколотишь*.

стр. 84 „Въ Царствѣ слѣпыхъ кривой Царь" или *У слѣпыхъ и кривой — Король*.

стр. 95. „Худой" . . . „брани"; солдаты говорятъ еще: *Худая стоянка лучше добраго похода*.

стр. 96. „Всякъ своему праву работаетъ"; по Русски: *Всякъ молодецъ на свой образецъ*.

стр. 98. Къ „на совѣтъ" . . . „погоди", присовокупилъ бы одинъ мой знакомый: *Вотъ яма, стой прямо!*

Видя яму не валисъ, не званъ на пиръ не ходи.

стр. 101. „Собаку съѣлъ“, значитъ у иныхъ *очень искусенъ*, или *очень опытенъ* въ чемъ либо, или очень дерзокъ.

стр. 125. „Пропалъ какъ Шведъ подъ Полтавою“; Великороссіяне говорятъ еще: *Онъ пропалъ какъ Шведъ безъ масла.*

— „задать кому баню“; у насъ говорятъ еще *задать кому перцу*, т. е. оскорбить, или наказать чувствительно.

стр. 142 „При истребленіи послѣдняго Княжескаго удѣла В. К. Іоанномъ III“, несправедливо: ибо послѣдній Княжескій удѣлъ, т. е. Рязанскій, *истребилъ* Великій Князь Василій IV Іоанновичь въ 1516 (Индиктіонномъ) году зимою, см. Архангь. Лѣт. стр. 490.

стр. 144. „Конь о четырехъ“, пропущено *ногахъ*, вѣрно опечатка.

стр. 158. „Добрая голова сто головъ кормитъ“; противоположность: *въ добрую голову сто рукъ.*

стр. 159. Къ „въ Москвѣ толсто звонятъ“... *На брюхѣ-то шолкъ, а въ брюхѣ-то щолкъ.*

стр. 160. „Повадился кувшинъ... значитъ по моему: *Дурная страсть, или привычка навлечетъ погибель.*

стр. 161. „Говори на волка, говори и по волкѣ“, т. е. (по мнѣнію моему): *Не охуждай кого либо совершенно; но показывай и добрыя его стороны.*

стр. 163. „Троповъ“, вмѣсто *тропы* „пословицъ“, вмѣсто *пословицу*, *вѣрно опечатка.*

Прибавленіе ко 2 части.

стр. 73. Друзья, у Морлаковъ, соединенные симъ торжественнымъ обрядомъ, называются *побратимы*, а подруги *посестримы*. Нынѣ дружба двухъ особъ одного пола не заключается съ такими обрядами, какъ то бывало въ древнія времена, когда еще невинность царствовала на земли.

Подобные союзы, существующіе у народовъ въ Италіи подъ именемъ *клятвенныхъ братьевъ* (Frateli giurati), кажется, введены въ подражаніе дружескимъ союзамъ Морлаковъ и другихъ соплеменныхъ имъ народовъ. Различіе между сими *братьями* и *побратимами* состоитъ не въ одномъ недостаткѣ обрядовъ, но болѣе въ цѣли, которая весьма похвальна у Славянскихъ племенъ, а напротивъ того, въ Италіи вредна для общества.

Въ сихъ союзахъ Морлаки обязываются помогать взаимно другъ другу во всѣхъ нуждахъ, во всѣхъ опасностяхъ, и мстить за оскорбленія, нанесенныя кому нибудь изъ друзей. Они столь свято соблюдаютъ сіи обязанности, что готовы жертвовать, и жертвуютъ на самомъ дѣлѣ жизнію за своего *побратима*. Сіи жертвы дружества весьма у нихъ нерѣдки, хотя о сихъ дикихъ друзьяхъ менѣе говорятъ, нежели о древнихъ Пиладахъ и Дамонахъ. Если какое либо несогласіе водворится между двумя *побратимами*: тогда все сосѣдство почитаетъ сіе за неслыханный соблазнъ. *Соревн. просв.* 1818, N 10.

Въ заключеніе сей части сочинитель обязаннымъ себя считаетъ изъявить искреннюю свою признательность за доставленіе ему благонамѣренныхъ замѣчаній и любопытныхъ дополненій, коими онъ не преминетъ воспользоваться, сколько позволитъ планъ и пространство сочиненія — слѣдующимъ особамъ:

Изъ *Рима* отъ С. П. Шевырева.
Изъ *Рязани* отъ Д. Т. Воздвиженскаго.
Изъ *Нерехты* отъ М. Я. Діева.
Изъ *Брянска* отъ П. В. Вепрейскаго.
Изъ *Харькова* отъ Г. Ѳ. Квитки.
Изъ *Вильны* отъ И. Н. Лобойки.
Изъ *С. Петербурга* отъ Б. Г. Анастасевича.

ПОПРАВКИ.

стр.	строк.	напечат.	читай.
37.	12.	*взычаи*	звычаи
54.	5.	*обычаи*,	обычаи
58	10.	*начало новаго лѣта*	новый годъ
73.	6.	*братотвореніе*	побратанство

Къ 96 стр. 9 прибавить: въ Москвѣ рынокъ.

на 100 — къ прим. о, прибав. βάλλω, кидаю, полагаю, лью, Ладуга.